Признание в любви

Автор:
Борис Гриненко

Признание в любви

Борис Гриненко

RED. Про любовь и не только

У Бориса есть все, что нужно мужчине к пятидесяти годам. Рассчитывать на что-то новое, наверное, поздно, да и что может быть нового? Встреча с Ириной, она младше на 18 лет, всё меняет. Непонятным остаётся одно – как они могли жить раньше? Перестройка в стране сводит их с известными людьми, путешествия по миру наполняются удивительными приключениями. Но, Ирина заболевает. Врачи говорят: «Ничего страшного». И время становится маятником между надеждой и отчаянием. Как его остановить?

Это глубокий, искренний рассказ о любви и дружбе, о радости и страдании, и, главное, – о том, что делает человека – человеком. Повесть вызовет у вас странное чувство – ощущение счастья от каждого прожитого дня и одновременно боли. Заставит подумать: скажет ли Вам любимый человек «Спасибо тебе»?

Комментарий Редакции: Такие истории не нуждаются в восхваляющем комментарии, ведь о них сложно сказать что-то более точное, чем простое «Жизнь» с большой буквы – слово, вбирающее все многообразие ее проявлений, драматических и лирических.

Борис Гриненко

Признание в любви

Репортаж.

Художественное оформление: Редакция Eksmo Digital (RED)

В оформлении обложки использована фотография:

© fcscafeine / iStock / Getty Images Plus / GettyImages.ru

* * *

Хризантемы

Каждый выбирает для себя

женщину, религию, дорогу.

Дьяволу служить или пророку –

каждый выбирает для себя.

Ю. Левитанский

Метро от работы недалеко, но иду я, как всегда, быстро, на перекрёстке возвышается дом – аристократ, оглядываюсь, он салютует окнами. Не мне – солнцу, непривычно оно для Ленинграда, ясных дней в году у нас едва наберётся на пару месяцев. А вот у зданий в городе привычка завидная – быть красивыми.

В нашем коллективе тоже есть привычка, негласная, такие лучше соблюдается, – зайти утром в давно облюбованное кафе. Ответить там на улыбки приятелей, выпить хороший кофе, сказать знакомым, по институту, девушкам, что они лучше всех.

Но сегодня мне некогда, вызванные коллеги из других организаций, наверное, уже смотрят на часы. До встречи с городским начальством остаётся мало времени. Сидим у меня в кабинете, готовимся. Я всё-таки урвал от обсуждения пару минут и нашёл повод заглянуть к Ире, загладить вину, а её нет, в смысле Иры. Ухожу с гостями, встречаю её в коридоре, поздоровался, будто ничего не было. Вернулся только к обеду, зашёл ещё раз, опять её нет, в комнате сотрудники не понимают, что мне на этот раз понадобилось, выдумал какую-то ерунду. В институте появляюсь ненадолго, Иру не вижу, вызвать к себе в кабинет неэтично, её обязательно спросят – зачем. Не хочет она, чтобы подумали, будто начальник домогается, как некоторые выражались. Весь следующий день отсутствовал, понадобился вечером генеральному, забежал в конце работы, собираю документы к важной командировке. Не успеваю как обычно приготовить их вовремя, сколько себя ругаю, а толку нет, ничего не меняется. Хотя сейчас действительно было некогда.

Заглядывает Адик, её завотделом.

– Ты тут?

– Я стал невидимкой?

– Мы идём на фестивальный фильм. Есть билет – Ира отказалась.

– Не до кино мне… а она что?

– К ней бывший муж приходил, их вместе у института видели.

Хлопнула дверь, затих вдали топот ног.

Непрерывно звонит местный телефон, я задумался – не знаю ведь о ней толком ничего… а нужно? Отвечаю генеральному: «Сейчас буду» – и захожу к Ире. На столе рядом с книгой распечатка программы, но взгляд отрешённый. Она машинально теребит воротник кофточки, похоже, задумалась о совсем другом алгоритме, который не сходится, что бы ни делала.

– Привет, – вижу книга лежит вверх ногами… перевёрнутая жизнь, – что-то случилось?

Наверное, не ожидала меня:

– Из загаданного – ничего.

– Из незагаданного приходят одни неприятности.

– Вот и жду.

Слышу в каждом слове вопрос. Сажусь рядом.

– Я пришёл.

Нашёл, что ляпнуть. Явилась – неприятность, до этого мнившая себя удачей. Её рука застыла, взгляд от распечатки не поднимается, книгу она не поворачивает. Может они с мужем решили сойтись. Адик, кажется, говорил, что они в разводе не один год, но и тогда я всё равно – «приятность». Слышно, как у меня в кабинете надрывается телефон, дурацкая пауза затягивается.

– Ирочка, – разрешаю себе впервые так обратиться, – в моей «программе» ошибки не ищи, её нет…К сожалению, вечером еду в Москву.

Распахивается дверь, врывается секретарша: «Бегаю, бегаю, еле нашла, генеральный взбесился». Я поднимаюсь:

– На несколько дней.

Столица временем не балует, как и положено командированным, – некогда. Тем не менее почти с утра набираю Адика якобы сообщить, что всё идёт по плану, хотя никогда раньше по такому поводу не звонил. В действительности же готовлюсь услышать: «Ира увольняется» – не услышал. Здесь похолодало, впопыхах я даже не взял счастливую курточку. Мне предлагают замену – отказываюсь:

– Ничто так не согревает, как надежда, – они, конечно, решили, что я о делах.

Удивительно, но повезло, в Москве справился быстро, дальше нужно в Минск, по этим самым делам, и, совсем некстати, – в Гомель. Зовут, даже не упрашивают, а требуют, приятели ещё по Академгородку, они в Белоруссии недавно обосновались. Москвичи советуют: «Удобнее ночным поездом» – но это ещё один день, есть ли он у меня? По блату сняли чью-то бронь, и я уже в самолётике. Почему ласково? Во-первых, потому что лечу, а во-вторых – это маленький ТУ, под стать ему небольшие облачка. Набираем высоту, внизу разноцветными полями безупречно выложен орнамент, он окружает аккуратные посёлки, блестит под солнцем речка, на берегах приютился лес, красота. В командировке уйма совещаний, запланированных и непредусмотренных встреч, постоянно кто-нибудь опаздывает, кому-то нужно идти в другое место. Ругаешься (про себя), смотришь на часы, всегда стоишь перед выбором: куда лучше в данный момент бежать, чтобы всё успеть и не сломать свои и чужие планы.

В самолёте успокаиваешься – от тебя уже ничего не зависит, даже выйти не можешь. Сижу у иллюминатора, можно расслабиться: ничего не делаю, в командировке, а отдыхаю. Двое, сидящих сзади, продолжают разговор, достают чекушку:

– А долдонил «поездом, поездом».

– Кто знал, что билеты заловим?

– Не тормози, стюардесса нарисуется.

Суёт мне стакан.

– Присоединяйся. Выпьем за взлёт.

– Спасибо. Мне нельзя… а пить нужно за посадку.

Раньше не задумывался, наверное, причины не было, а сейчас вообразил, что летим к Богу глянуть хотя бы издали: красивее у него или нет. Вернусь, расскажу Ирочке, если дождётся.

Только об этом подумал, как сразу стал чихать один мотор, а их всего два. Пассажиры переглянулись, но вроде ничего, продолжает работать. Говорю соседке: «Вчера был дождь, он и простыл». Самолёт, тем не менее, разворачивается, значит что-то серьёзное. Опять переглянулись – возвращаемся. Двигатель снова почихал, почихал и заглох, пилот пытается выровнять одним двигателем – удаётся, летим с креном, но прямо. И недолго.

Чихнул два раза и заглох второй. Смолкло всё, в том числе разговоры. За бортом и в салоне тишина. Успеваю подумать, не к месту, что абсолютная тишина существует. В кино в таких случаях показывают панику: кричат, бегают. В действительности всё не так – осторожный шёпот, его слышат только ближайшие соседи: «Падаем». Голос у всех сразу стал одинаковым – безнадёжным. Шёпот передаётся эстафетой от первого ряда к последнему и затихает. Смотрю в иллюминатор, облачка пока ниже нас, потом рядом, и тут же быстро-быстро побежали вверх. А мы вниз. Страха нет. Состояние не ужаса – обиды. Внутри сжалось от безысходности – ну почему я и именно сейчас? Почему? За что? Ответа не жду, Господа больше не поминаю, продолжаем падать стремительнее.

Паники никакой – тихое, тупое отчаяние. Соседка схватила меня за руку и сжала. Таких глаз в жизни не видел. И в кино. Иллюминатор притягивает словно магнит. Не отрываясь, смотрю вниз. Сейчас получается, что уже вперёд. Машины на шоссе были как муравьи. Становятся больше и больше. Буду чувствовать боль или не успею? Раньше боли не боялся. По-прежнему тихо за бортом и в салоне. На соседей не смотрю, только в иллюминатор. Стали видны сумки в руках у людей на остановке. Они вверх не смотрят, нас не слышно. В памяти промелькнули родители. Сколько не успел для них сделать?.. Слава богу, есть кому позаботиться, сын здесь будет, дочка. А Ира?.. Хорошо, что не стал ей ближе. Зачем такое молодой девушке? Почему-то замечаю, как женщина отделяется от кучки ожидающих и выходит на проезжую часть дороги, в руках у неё букет цветов, она им голосует, к кому-то опаздывает. А я? Я – тут, мы все тут торопимся, и остановить нас некому. Страха нет. Есть безысходность. Сейчас конец. Мысли ушли, не дожидаясь этого конца. Всё закрывает неотвратимо приближающаяся Земля.

Кажется непонятный шум? – Нет, не кажется, действительно стал фыркать двигатель с моей стороны, натужно загудел, заработал. Внутри у меня что-то зашевелилось. Надежда? В салоне тихо. Почти сразу, неустойчиво, с перебоями и чиханием заработал второй. Соседи переглядываются, молчат. Внизу люди

задрали головы, показывают на нас.

Раскачиваясь, будто пьяный, самолёт летит над Минским шоссе, машин полно в обе стороны. Голоса поувереннее, не шёпот «падаем», а погромче – «на шоссе садимся». И замолчали. В фильме «Приключения итальянцев в России» тоже «сажали» самолёт на это шоссе, только сейчас никто не радуется. Вот так, вразвалку, болтаясь из стороны в сторону, доковыляли до Внуково, плюхнулись на полосу, запрыгали вразнобой шасси и встали. Удивительно, что ничего не сломали.

Наверное, также чувствует себя осуждённый на смертную казнь. В повести Виктора Гюго «Записки приговорённого к смерти» герой испытывает страшные муки и всё время держится только надеждой, что отменят приговор.
В назначенный день привели его на эшафот, положили на плаху. Палач готов, толпа ждёт последнего мгновения, но он верит: вот-вот прибегут и скажут, что казнь отменяется. У меня надежды не было. Приговорили. Отменить некому.
И ждать нечего. Кроме смерти.

Вдоль полосы стоит наготове ряд пожарных и санитарных машин. Набежали техники, раскрыли люки, стали ковыряться. Пассажиры сидят с отрешёнными лицами, никто не говорит «повезло». Не обсуждают. Внутри пустота.
Как автомат, делаешь, что скажут. Командир корабля объявляет: «Кто желает сдать билет, для вас открыта специальная касса, кто решил лететь дальше, через два часа будет другой самолёт» – голос не сразу узнаешь, и речь торопливая, не как прежде. Он подчеркнул сильным ударением спасительные слова «другой самолёт».

Зал отправления на взводе от шума нетерпеливых голосов. У каждой кассы толкучка. Народ с завистью расступается перед счастливчиком, у которого над головой листочек с указанием продать билет. У нашего окошка тихо, и цель у него другая – принять наши билеты, оглядываюсь: многие летят опять, все или нет, не знаю – не проверять же, а было бы интересно, есть даже с детьми. Показываю соседке по самолёту синяк на руке.

– Я что, синяков не видела?

– От вас. Помните в самолёте сжали?

– У меня сил таких нет.

Сомневающимся дали два часа. С усмешкой думаю: не плюнуть ли мне на эти дела, тем более, что все они возникли по моей инициативе, и заниматься ими никто меня не заставляет? Сам хотел, как лучше, ребята в моём отделении, узнав за чем еду, обрадовались. Ну, скажу им, расстроятся, конечно, будем ждать, когда поставят в обычном порядке. Но ведь ты всегда был инициатором перспективных разработок, и статус института заметно поднимется. Да, а как с Ирой? Старался завоевать её внимание, наобещал, а сам исчез. Что там у неё? Если уйдёт, она ведь тебе ничем не обязана. Будешь локти кусать. Может всё-таки вернуться? Приятели в Гомеле не говорят для чего я там понадобился, вдруг что-то серьёзное. Продолжаю сидеть, не размышляю, а просто перебираю прошлое: как я здесь оказался и нужно ли мне всё это.

Жизнь – книга, ты её пишешь сам, бывает, что и не сам, пишешь задумываясь или не очень. А я? В моей много страниц, но память – удивительная штука, возвращает к тому, с чего началось самое главное, без чего, как оказалось, и жизни настоящей просто не было бы.

Работал я в Академгородке, в Новосибирске, работал, и пришла пора определиться – не стоит уже, наверное, жить от родителей за тысячи километров. Переехал в Ленинград, продолжил заниматься, как сейчас называют, информационными технологиями, IT. Но речь пойдёт не об этом, хотя нам внушали, что работа и есть главное. Время для неё, если честно, было бездарное, в смысле попыток сделать что-нибудь интересное – тонули они в общем застое и раздражали. Хотелось послать всё к чёрту. Именно это и предлагали рюмочные, не зря ведь их широко раскинули, сетью. Несколько неосторожных движений, и ты в ней запутаешься.

В Ленинграде наш институт располагался удобно, в районе Техноложки, почти центр города. Удобство заключалось не только в транспортной доступности, но и в другом, не менее значимом. На работе частенько приходилось задерживаться, и мы с приятелями, чего греха таить, этим удобством пользовались, тогда это было, наверное, самое популярное занятие мужского населения. Я имею ввиду, конечно же, рюмочные, они были рядом, и народ туда наведывался разный, но одинаково приветливый, от профессоров до простых рабочих: пожалуйста, проходите. В них не было музыки, наверное, чтобы не отвлекала от разговоров, в том числе и по служебным делам.

Другое очевидное преимущество – много кафе. В нашем, излюбленном, куда заходили утром и иногда вечером, продавщица Галя готовила хороший кофе. Она красила губы яркой, изогнутой линией, и когда улыбалась, то одинокая волна пробегала по всегда спокойному морю. Ещё она встряхивала копной волос в ответ на удачную шутку. Сегодня, по питерскому обычаю, с утра – дождь, у прохожих одинаково неприветливые лица, и я быстро к ней:

– Чего не хватает?

Поворачивается ко мне и молчит.

– Радуги. Улыбнись, и она блеснёт под тучей твоих чёрных локонов. День должен начинаться встречей с хорошим человеком.

Ко мне пристраивается симпатичная девушка Иветта, похоже, что ждала такого человека. Она не из нашего отделения, милое создание, приятное личико, более, чем симпатичная, мои, да и не только, не обходят её вниманием:

– Хочу с тобой. Когда одна, то кофе – плохой, а тебе заваривают – на удивление.

– Галя нас угощает, чтобы ты обратила внимание на меня.

– Я обратила, а ты не замечаешь.

– Ошибаешься – не надышусь, от тебя весной пахнет… сколько их было у меня.

– Да уж, поговаривают.

– Весна – в тебе, весной упиваются, осень – мне, осенью вспоминают.

– Не оговаривай себя.

– Лучше признаться в этом самому, чем услышать от другого.

Вечер по ленинградской привычке тоже отдался дождю. Хорошо, что погода не сказывается на рюмочных и на театрах, всегда идут и туда, и туда, но о

театре потом. Расставил их в таком порядке не по значению (это я о себе), а по частоте посещения. Не уверен, правда, можно ли сказать «посетил» питейное заведение? Тогда в памяти всплывёт «И вновь я посетил». Впрочем, оба места располагают к размышлениям. К сожалению, у многих – наоборот. Таков мой новый друг, тёзка, «посетив», он обычно перебирает, и его мнение становится единственно правильным. Сегодня я удивляю ребят: «Среди гаишников есть обходительные люди». Тёзка, разумеется, первый: «Не выдумывай!»

Еду вчера после изрядно выпитого, вы знаете, закоулками, прячусь, уже практически ночь, а они, заразы, – дежурят. Сразу за поворотом стоит наряд и несколько остановленных машин, развернуться негде. Один тормозит меня, подходит. Приоткрываю окно, сую ему документы, быстро закрываю. Идёт в свет фар, проверяет номер, возвращается. Надеюсь, что обошлось. Но он манит рукой – выходи. Я сижу, будто не понимаю. Стучит в стекло: «Выйдите, пожалуйста». Вежливый такой. Мотаю головой – не-а. Он снова: «Я вас прошу, выйдите, пожалуйста». Открываю, ставлю одну ногу, держусь руками за верх двери, выпрямляюсь. Такого удивлённого возмущения я не слышал:

– Вы же на ногах не стоите!

– А вы считаете, что я должен ездить стоя?

Смех гаишника слышу тоже первый раз. Возвращает права: «Тебе куда?» – называю адрес.

– «На мост Александра Невского не суйся. Удачи».

Прощаюсь со своими и с рюмочной.

– Что случилось?

– Сын приезжает, будет поступать в «Бонч».

– У тебя же дочка.

– Да, но не моя, её отец в Академгородке работает, и папой она называет меня. А сын – мой, от первой жены. – Эта вторая?

– Не ставь на счётчик.

Каждое утро на работе один вопрос: «Какие успехи у сына?»

– Внешний вид – на отлично, – показываю фотографию.

– Это же молодой Хемингуэй, не различить.

– У него и спрашивают: «Бабушка в Испании не воевала?»

Остальное лучше не обсуждать. Учитель я – плохой, ученик мой – ещё хуже, может, действительно, стоило попробовать литературный институт, он много читал и язык подвешен. Нанял профессионального репетитора. Вечером не остаюсь играть в шахматы: «У меня партия дома, там – цейтнот». Экзамены прошли, как раунды в боксе, только без синяков. Ставить их ему уже поздно. Володька устроился на работу, пожил недолго у нас и перебрался в общежитие, мотивируя тем, что оно рядом с заводом. Это так, но мотив, скорее, в другом – не привык к нравоучениям:

– За две недели не выучить то, на что отводилось два года. Почему теперь не занимаешься?

– Голова другим занята.

Новые приятели, такие же оболтусы, вечера тратят на выпивку.

– Пройдёт год, получишь разряды токаря, кого там ещё, потом армия и что? Останешься таким же (не произношу обидных слов) на всю жизнь, тебя это устраивает?

Сын повременил немного и вернулся к маме, в Пермь. Мои родители, из-за кого я, собственно, в Ленинград и перебрался, расстроены больше всех, Володька первый класс у них учился, пока мы с женой перебирались из города в город.

Никогда не знаешь, какое неожиданное знакомство может всё изменить. Хорошо, если к лучшему. Все на это надеются, даже те, в тайне от себя, кто это «всё» давно имеет. Позвонили из отдела кадров:

– Людей заказывали?

– Заявка у вас.

– Троих возьмёте из электротехнического?

Сидят у меня в кабинете три девушки, одна – будто в честь неё назвали популярный тогда фильм «Самая обаятельная и привлекательная». У неё есть всё, и всё на месте, в том числе настороженность. Одета так, как именно она и должна быть одета. Часто девушки носят что-нибудь броское – вот она я, у таких этого самого «я» и нет, а есть то яркое, что надето. Здесь же напротив, выделить нечего, всё к месту. Какое тонкое чувство стиля, надо же, наверное, так у неё во всём. Но главное – большие глаза, они оценивают, не показывая этого, за улыбкой спрятано понимание и тайна, к которой хочется прикоснуться. Повезло кому-то, кто прикоснулся, но лишь в том случае, если он сам такой же. Впрочем, какое мне дело до неё? Тем более, ей до меня. Я начальник, сотрудников много, девушек, как тогда говорили, – «ещё больше».

Меньше, чем через месяц спрашиваю у Адика, и отмечаю, что не только из служебной необходимости, но и из любопытства – оправдались ли мои наблюдения:

– Как новая птица?

– А как ты сумел подметить? Точно – птица-говорун Кира Булычёва, отличается умом и сообразительностью. Попросил найти ошибки в чужой программе, быстро справилась.

– Неплохое начало.

– Окончание не хуже – её диалог с тем, кто написал программу:

– «Пойду думать» – «Не наговаривай на себя».

При чём здесь новая птица – Ира? А ни при чём, оценил её верно, и точка. У нас с ней разные круги общения, к тому же, разница в возрасте – семнадцать с лишним лет. Впрочем, почему лишних? Мне они нисколечко не мешают. Да и что может помешать человеку под пятьдесят, у которого «всё» есть? При встречах я, конечно, не отказывал себе в удовольствии пошутить. Ответом был смех в коридоре или в комнате, где она сидела, и куда я заглядывал, разумеется, по делу. Нередко видел там ребят из других отделений, потом сказали, что они здесь отираются в попытках развить с ней знакомство.

Иду к Адику, чуть приоткрыл дверь, но он появился из другой комнаты, я его жду и слышу.

– Ты сегодня особенно красивая, – утверждает чей-то голос. Другой с ним соревнуется:

– Почему сегодня? Ира всегда такая.

Заходим. Сидят двое из другого отделения. Внешний вид приучил их, видимо, к развязности. Адик не выдерживает:

– Опять в нашем огороде сорняки.

– Почва хорошая.

Говорят, что я отличаюсь вежливостью, но прополоть не мешало бы. Хотя ребята неплохо смотрятся и в меру спортивные. Впрочем, что такое мера? Другому её определяем со своей колокольни. Себе меру устанавливаем, когда выпиваем, вдобавок, тут же и нарушаем. Эти, будто нарочно, совершенно разные, начиная с роста и кончая манерами. Высокий сидит, демонстративно закинув ногу на ногу. Такую неуважительную позу я могу позволить дома, как пренебрежение (скорее всего, справедливое) к самому себе. Глянул на часы – до обеда ровно час:

– Скажу вашему шефу, чтобы дал премию.

– За что?

– Не «за что», а на что – на часы. Ваши спешат на сутки. (Завтра, как раз, перевод стрелок на летнее время).

Обиженные засуетились и перед дверью (на самом деле, перед Ирой) разыграли сценку, наклоняясь поочерёдно и раскидывая руки.

– Прошу вас вперёд, пожалуйста.

– Нет уж, позвольте, сначала вы.

И растянули улыбки – никто не отреагировал на «Ревизора». Тогда, который повыше, оборачивается ко мне, для них я – ревизор.

– Приходите в обед, в теннис поиграем, – им всё ни по чём, но отыграться норовят.

Вечер, четверг, наших в комнате нет, Ира отпросилась. Словно на необитаемом острове, сидит один из тех, кого вижу здесь чаще других. У него извиняющийся голос:

– Жду.

– Пятница у нас завтра.

С какой стати «у нас», и при чём тут я? Она не ко мне приходит – на работу. Утром останавливаю её в коридоре:

– К тебе вчера… Робинзон приходил.

– Многие о себе так думают.

Шутки шутками, но когда узнал, что Ира начинает работать над кандидатской, почти обрадовался, могу что-то предложить ей и я, точнее – себя: «Если будут проблемы – обращайся».

Какие есть ежегодные праздники? День рождения. Хорошо что-то подарить. Но ведь ни черта ещё не купить – за сапогами девушки сколько сезонов охотятся, а цены растут. Есть праздник, который ждут не один год. С точки зрения учреждения (государства) он плановый. Сидим с завотделами его обсуждаем – повышение зарплаты. Процедура стандартная: приходит срок – её добавляют. Сейчас есть возможность перевести нескольких инженеров с опытом на должность младшего научного сотрудника.

Пётр спокойно ждёт, плотно сбитый, воплощение уверенности, кажется, что никогда не напрягается, он – педант, не торопится, всё делает тщательно. В колхозе, куда осенью возят на уборку урожая, на своей грядке ничего не оставляет. Чтобы уйти всем вместе, приходится ему помогать. Дома жена ругает: «Что ты всё копаешься?» – «В программировании это важно, не наворотишь сгоряча ошибок». Она не отстаёт: «Всё имеет свои границы. Один дотошный бухгалтер не мог не докопаться до каждой цифры, откуда она взялась. В отпуске решил убедиться: сколько капель содержит ведро воды. Начал капать и считать, потратил пол-отпуска и заполнил полведра». «Почему не полное?» – «Забрали в психушку».

Адик подскакивает, его вообще-то никто не зовёт Адольфом, в том числе и он сам себя. «Откуда такое имя?» – «А чёрт его знает – я не про отца». Невысокий, щуплый, не может усидеть на одном месте, наверное, поэтому везде ищет новенькое и пытается в отделе внедрять. Можно ли к этому отнести повесть, которую он никак не допишет, она о нашей жизни: «Осталось совсем чуть-чуть, в смысле – в повести». Что такого он высмотрел в ежедневной рутине, чем можно заинтересовать читателя? Наверное, витает в облаках, потому что ещё лирические стихи пишет. Вот и сейчас, не успел спуститься на землю: «Иру нужно перевести досрочно» – в этом тоже углядел новенькое и норовит пролезть вперёд.

У Петра задвигались широкие скулы, прожёвывает, а что будет дальше и выжидательно морщится.

Лицо третьего завотделом, итак длинное, вытянулось до неприличия, он давно просил за своих и от такой наглости возмущается: «Это не комильфо!» – в школе учил французский, чем и гордится. Живёт в центре, своё длинное, худое тело, засунул в коммуналку: «В большой квартире меня, вообще, не заметят». Когда случается завалиться к нему небольшой кампанией по-тихому выпить, тут соседи его и замечают. «Видите, – он, как оправдывается, – мне хватило бы

меньшей».

– Наоборот – комильфо, – я расставляю точки над i, и добавляю, вспомнив профессию отца, – в боевой авиации был приём обучения «делай, как я».

Недоумение на всех лицах и я достаю джокер:

– Адик предлагает хороший пример поощрения на будущее. Чтобы было не обидно и не менять наших планов, я выбью дополнительную должность. Можете своих поздравить.

«Бездарное время» (с чего я начал про Ленинград) было и в смысле нашего с Ирой общения, вернее, в его полном отсутствии – дежурный обмен улыбками. Как-то заходит Адик отпроситься:

– Отцу плохо, положили в больницу, еду к нему. Вечером спектакль, я на него рвался, ты знаешь, билет отдаю тебе. Там будут приятные люди.

– С врачами не помогу, знакомых, к счастью, нет, за внимание спасибо.

Провожаю его по коридору. Одну комнату временно освободили, там проводят вакцинацию от гриппа, запускают по два человека. В очереди ожидают несколько девушек, в том числе Ира, за ней один из её поклонников. Адик ему: «Ты же уколов боишься». Навстречу шагает тот, который не понял про Робинзона Крузо. Здесь решил отличиться, но не нашёл ничего лучшего, чем зацепить: «Он не знает, что колоть будут в руку». Через несколько шагов оглядываюсь. Стой, тьфу, не стой, а иди, куда шёл, не моё это дело, да и что, делать мне больше нечего? Ира ещё в очереди, а соперников нет.

Театр – хорошее место для сближения людей, если, конечно, они того стоят. Из-за предупреждения Адика слегка задержался, но к началу успел. Открываю дверь в ложу, там полумрак, от света из коридора внизу что-то поблескивает – ботинки молодого мужчины (по сравнению со мной). Рядом одно свободное место, хорошо, когда не любят опаздывать. Мужчина – высокий, плотный, с аккуратной бородкой, видно, что продолжает традиции интеллигентной семьи, и этим сразу располагает к себе. Женщины разместились впереди, спектакль не начинается, и, пользуясь случаем, делаю приятное, на мой взгляд, – начинаю разливать «Мартель», он помягче, не добавляет резкости к первой встрече.

Специально захватил серебряные стопочки. Интеллигент оживился:

– Достойное начало для знакомства, мне нравится.

– Юра, – протягивает он руку, ожидаемо сильную, и представляет сидящую перед ним: «Моя жена, Лена». Около Лены замечаю Иру, встретились наши удивлённые взгляды, мой – приятно, её – не знаю (с какой стати я здесь оказался?) Юра похоже привык быть в центре внимания, берёт инициативу в свои руки, благо есть во что взять: «За театр». Ира расширяет тост: «За жизнь, какая она есть» – моё появление вынудило так сказать? По тону не поймешь, хорошо это или нет. Лена рюмку берёт: «Нетрезвый вид – неуважение к актёрам» – её недовольство Юра спешит загладить, похоже, что заниматься этим приходится часто:

– Послушайте, как удачно соединились оба тоста в рассказе моей мамы.

Ленинград перед войной. «Травиата», Жермона приехал петь Лемешев, зал забит. Сцена, где Виолетта прощается с Жермоном, отходит от него и останавливается. Жермон опускается на колени, молит остаться. Заметно, что он (Лемешев, не Жермон) выпил. «Талант не пропьёшь», тем более такой. На колени опустился быстро. Потом он должен встать, подойти к Виолетте и постараться задержать её, не прерывая арию. Поёт, как всегда, выше всяческих похвал. А встать не может. Пытается – никак (думаю, что многие пробовали в таком состоянии). Зал ждёт, сюжет знают. Лемешев продолжает петь, подтаскивает стул, опирается на сиденье одной рукой. На коленях, облокачиваясь на стул и, толкая его перед собой, передвигается через сцену. Когда, удивительным образом, добрался до Виолетты, упёрся в стул двумя руками и (мама говорила, что она тоже напряглась, стараясь встать вместе с ним – вот-вот конец сцены, а у него не получается). Не с первой попытки, с трудом, удалось-таки встать и закончить арию. Зрители долго аплодировали стоя.

В антракте и мы стоим, у столика, Юра на полголовы выше меня, в полтора раза пошире, но не в плечах, и, соответственно, тяжелее, если и занимался спортом, то сидячим. Тем не менее пышет здоровьем – не подойти. К нам и не подходят, он единственный в кафе, у кого шкиперская бородка, скорее борода, усы и шевелюра, в отличие от моей, длинная и кучерявая. Как и в ложе, потрепал бородку после выпитой рюмки:

– Я занимаюсь тем, что не видно, но ощущается, в том числе в этом театре.

Допиваю свою порцию в размышлении:

– Климатом.

– У меня фирма с таким названием, по этому направлению в Русском музее я главный, надеюсь будем встречаться, – пожимает мне руку ещё раз, – мои друзья все хорошо соображают.

После второй рюмки он продолжает:

– В школе пил лимонадом, подрос, сменил напиток и увлёкся поэзией. Связано ли это? Написал огромное количество гениальных стихов.

– По его определению, – уточняет Лена и отлучается с Ирой по своим делам.

– Бывали стихи и не очень, соглашусь, дарил их направо и налево. Девушки разделились на две категории: те, кто любил меня, и те, кто любил мои стихи. Когда возникло исключение – девушка, полюбившая и меня, и стихи, я женился.

– Мой друг в Академгородке, Сергей, пишет стихи исключительно направо.

– Почему?

– Налево его принимают по другому поводу.

Утром не успел сесть в кабинете, как затрезвонил телефон, межгород. Звонок в такую рань не предвещает ничего хорошего, вздыхаю. Но на сей раз вышла приятная ошибка, это – давний приятель, Сергей Купреев, везёт мне на друзей с харизматичным именем, он научный руководитель нашего направления в Госкомитете по вычислительной технике и информатике:

– Готов принять?

– С утра?.. С тобой – да.

На следующий день принимаю, его самого и невероятное предложение – «Создать на базе моего отделения Институт по технологии программирования в рамках Совета экономической взаимопомощи». Он доволен, есть возможность быстро реализовать перспективный проект и заодно поглядеть, как мои ребята запрыгают от восторга: «Наконец-то получим завидную технику и очередь желающих к нам на работу». В Ленгорисполкоме нас заинтересованно выслушали, Купреев умеет изложить так, что неверующий пойдёт в церковь, при его должности иначе нельзя. Но нашему предложению действительно можно позавидовать, поэтому и вопрос был один. «За чей счёт?» – «СЭВ». – «Отлично. Делайте».

Всё бы хорошо, но мой генеральный директор – ни в какую. Наверное, подумал, что так будет недолго, и нас выделят в самостоятельную организацию.
В Ленинградском обкоме партии ему было к кому обратиться. В результате – не разрешили.

Рассказываю знакомому, директору НИИ по нашему профилю.

– Да они что, совсем? – комментарии по телефону опускает. – Слушай, нет худа без добра. Мне нужен зам. по науке, неси документы.

Меньше, чем через неделю, звонит: «Зайди вечером». Прихожу, его секретарь встаёт: «Вас ждут». На столе «Камю», бутерброды с красной икрой украшены зеленью, ровные дольки лимона сложены в кучку.

– В министерстве утвердили, – привычным движением разливает, – просили дослать партийные документы.

– Не состою.

– Тебе, вроде, по должности положено. Впрочем, пустяки, – задним числом примем.

– Не хочу быть в партии… даже задним числом.

Смотрит на меня, по лицу заметно, что из приготовленной в расчёте на долгий вечер закуски, исчезло всё, кроме лимона. Стало слышно, как часы на стене отсчитывают напрасно потраченное время.

– Жаль. Я не про партию – про институт. Что ж… тогда – за порядочных людей.

Выпили.

– Интересно, а как тебе жильё дали?

– Вот именно, что не дали, по этой же причине и тянули. Я плюнул (хотел было сказать, что не попал, но остерёгся), взял к отпуску дополнительную неделю и укатил с ребятами в Карелию, в Чупу, – ловлю удивлённый взгляд и, кажется, опять огорчаю.

– Не на дачу к Ельцину, но, вообще-то, недалеко, на строительные работы для новой шахты. Заработка с лихвой хватило на первый взнос в кооператив.

Разговор о работе бессмыслен, собираюсь уходить.

– Ты в Академгородке работал. Наверняка должен был попасть на концерт, наделавший столько шума.

– Попасть – точное слово.

Далёкий уже 1968 год, Новосибирск, Академгородок. Институты, коттеджи для академиков, четырёхэтажные дома с большими окнами для тех, кто попроще. Кто ещё проще, тех посылают подальше, по алфавиту, на букву… Щ, в микрорайон с типовыми пятиэтажками. Дома в лесу. Заботливые ветки тянутся к открытым форточкам и подсаживают белок на кухни. Зимой температура опускается до сорока. Для обнуления погоды принимаем с таким же градусом внутрь. Большое объявление «Помогите белкам», внизу приписка – «и МНС».

Молодые лица имеют одинаковое выражение на научной конференции и при покупке раз в неделю мяса в столе заказов. На них написано, что занимаются интеллектуальным трудом. Его успех требует свободы. Самиздат, как эта самая свобода, ходил по рукам, бывало, что давали почитать на одну ночь – очередь.

Надписи на стене в институтском туалете заставляют остановиться, даже если торопишься. Под ними резюме: «мысли умные в клозете – не найдёшь таких в газете».

8 марта. Фестиваль авторской песни, перед Домом учёных не протолкнуться, в фойе монотонный гул. Записи на плёнках слушали, но все хотят вживую, глаза в глаза. Мы с другом Виктором Григорьевым не надеялись попасть, но с билетами несказанно повезло, хотя в данном случае, как раз было сказано, его приятелем, тоже экономистом: «Предлагаю сэкономить. Даю свои». – «Что случилось?» – «Летим с женой в Москву. Не волнуйся, по делу». – «Тогда беру». Зал сумел вместить больше тысячи человек. Сели в проходе, потом встали, чтобы дать место и другим. Администрация вспомнила про технику безопасности, но выгнать «лишних» не удалось. Мы достали фигу из кармана и показали – остались все, некоторые пересели к тем, кто в креслах, на колени.

Бардов выступало много, но ждали Галича. Мы, да и другие, наверное, знали, что организаторы просили его выбрать из репертуара что-нибудь полегче – не нужно дразнить гусей. Он должен был завершать концерт. Каждому давалось две песни, ему – три. Кукин потом рассказывал, что Галич начал с того, что перед выступлением принял сто граммов фронтовых (не один раз) и пошёл на сцену – с песней «Памяти Пастернака»! Гитара не торопится, речитатив подчёркивает важные слова – это наш протест, заявлен со сцены, во всеуслышание. Не ожидали, что он решится бросить его в лицо …Затихли струны – зал, кроме ряда, где партийные деятели, встал, наступила полная тишина. Выдержали паузу, как у великого актёра, и – буря аплодисментов правде и мужеству. Третья песня «Мы похоронены где-то под Нарвой». Странно, что его не остановили. Остались последние два слова: «трубят…». И тут раздался выстрел: кто-то вскрикнул, кто-то вскочил. Галич не дёрнулся, никакой паузы перед словом «егеря». На него сверху посыпались осколки – взорвалась осветительная лампа.

После концерта они шли вместе и Кукин поделился своими переживаниями:

– Александр Аркадьевич, мне показалось, что в вас стреляли.

– Ха! Мне показалось, что первый секретарь покончил с собой.

Академики не удержались – для них был отдельный концерт, для тех, кто «попроще», – ещё один, ночью, в кинотеатре, не удержались сами исполнители.

Но в итоге всё равно остановили – фестиваль запретили, клуб «Под интегралом» закрыли. У Галича это было единственное официальное выступление перед аудиторией. Он уедет во Францию и в своей «Книге воспоминаний» напишет: «В Академгородке я испытал минуту счастья». Мы тоже.

В августе и нам показали… Чехословакию, ввод войск. В институте народ ропщет: конец оттепели, надежда рухнула. Редко кто проходит дистанцию от понимания до активного протеста. В Праге на демонстрацию вышло сто тысяч, Ян Палах сжёг себя на Вацлавской площади, отдали свою жизнь ещё семь человек. На Красную площадь вышли восемь.

Первомай, флаги, как ни старались организаторы, бездушно висят, из репродукторов гремит торжественная музыка. Перед Домом учёных трибуна с представителями партийных органов и руководства Академии наук, кто-то из них был на концерте. Работают телекамеры, напротив, на тротуаре, плотно, как пшеница в урожайный год, стоят зрители. Движется колонна демонстрантов. На обочине плакат – улыбающийся Ленин в кепке машет ладошкой: «Верной дорогой идёте, товарищи». Снизу аккуратно замазанная приписка, приглядевшись, можно разобрать – «но не в ту сторону». Мы стоим в начале проспекта, готовимся присоединиться. Назначенные товарищи принимают от администрации портреты членов политбюро на длинных палках, чтобы издалека видно было. Другие товарищи принимают, по своей инициативе, по пятьдесят грамм. Я отношусь к другим, успел принять, но меня заставляют нести знамя, – почётная обязанность победителя соцсоревнования. Отказываюсь, мои требуют: «Знамя не тебе дали, а отделу, неси!» Уподобляюсь Власову на Олимпиаде, держу его одной рукой, возглавляю колонну института. Диктор провозглашает лозунги, безуспешно призывая к крикам «ура». Одним словом, всё как обычно.

Вдруг перед самой трибуной из толпы выскочили трое юношей, ищут, куда бы вклиниться. Я приостановился, дал место впереди. Ребята, студенты университета, растянули транспарант во всю ширину дороги – «Руки прочь от Чехословакии». На тротуаре захлопали, диктор замолчал, наши сзади кричат: «Молодцы! Мы с вашим лозунгом!» Операторы продолжают снимать, зрители аплодировать. Между ними стали выделяться серые личности в штатском, не знают, видимо, что делать – телекамеры, да и народ не особо даёт пролезть.

Прошли мимо трибуны, я говорю: «Бросайте и бегом в толпу, отдельно друг от друга». Удрали.

Стоим с ребятами, обсуждаем очевидный вопрос – «почему не мы?» Лия Ахеджакова рассказывала, что когда они в Праге вечером пришли в ресторан, ей плюнули в лицо. Это было потом, а сейчас к нам подходят двое, один в форме:

– С вами шли те, что с лозунгом?

– Не с нами – впереди.

– Можно вас?

– Что вы имеете в виду? Когда звонят в отдел и спрашивают «можно Валю?», один сотрудник отвечает: «У нас всех можно» – я ко всем не отношусь.

– Тут не до шуток, мы на службе.

Пролетает стая голубей с хорошей кормёжки и роняет большие «кляксы». Одна попадает ему на погон рядом со звёздочками, в нужное место.

– Вас уже повысили.

Который в гражданском, похоже старше по чину, смеётся, понимает бесполезность разговора. Младший вытирает пятно платком, сворачивает его и убирает в карман – улика. Молча уходят. И мы молчим. Стыдно, перед собой. В сторонке дожидается Сергей, карманы солидно оттопыриваются. Похлопал по бутылкам:

– Как знал, что будет причина выпить.

Долгожданный вечер, Сергей, собиравшийся в Ленинград больше года, наконец-то сидит у меня в кабинете. Сидит – не то слово, он стоит у стола и, наслаждаясь приятным запахом, режет сыр, которого в Новосибирске не купишь. Выбирает кусочек поменьше, поводит у носа, не торопясь разжёвывает и демонстративно причмокивает. У меня наготове бутылка отличного (не по Райкину – отличного

от других), а настоящего французского коньяка, как водится, уже неполная (не удержались с ребятами, чтобы не попробовать).

– Как у дочки дела, волейболу, говоришь, мы её зря учили?

– Будет поступать в универ, на биологический, сын трубит в армии, недолго осталось.

Стук в дверь, так принято, заходит Ирина: «Извините, что помешала».

– Отложенное удовольствие – больше, – Сергей в своём репертуаре, не может не обратить на себя внимание.

Хорошее дополнение к вихру на макушке, на всякий случай он его и приглаживает. Не зря в старину у молодых девушек (да и постарше) были альбомы, в которые им писали посвящения. «Писателям» они были благодарны. Брошенные слова, как семена, где-то взойдут.

– Читаю вечером лекцию, – объясняет Ира.

– Хочешь, чтобы послушал?

– Машинное время не меняют!

– Договорюсь.

– Спасибо. Обычный диалог, с дополнением: моя попытка пошутить, и её необязательное, подчёркнутое «спасибо». Ира прикрывает за собой дверь, Сергей с завистью, привычка такая, отмечает:

– Красивая. Давно у тебя работает?

– Год, наверное, не помню точно.

– Х-ха! Раньше помнил. Когда ездил выступать на конференциях, к тебе потом девушки прилетали, за дополнительной информацией.

– Не поверишь, мыслей таких нет.

– Конечно, не верю.

– В том-то и дело – у нас любовь.

Он меня останавливает, удовлетворённо кивает и подаёт рюмку: «Всё начинается со встречи, часто случайной, – за неё». Мы чокаемся, берём в рот по маленькому глоточку, перекатываем драгоценную жидкость, наслаждаемся. Получаем то самое удовольствие, но главное, – от встречи. Я смотрю на его реакцию, она не заставляет себя ждать.

– Шикарный коньяк.

– Специально для тебя привёз, из Венгрии, на совещании был по нашей тематике.

– А ещё жалуешься – не интересно тут.

– Это как северное сияние, красиво, но без толку. И не каждый видит.

Сергей вертит за ножку пустую рюмку, добиваясь положения, при котором её незатейливый орнамент под лампой начинает переливаться разными цветами.

– Выпьем за то, чтобы видели.

Я наливаю и возвращаюсь к его неверию, чтобы испортить свой же ответ:

– Любовь у нас к театру!

– При чём тут театр?

– У Станиславского – «Театр есть искусство отражать», в том числе и того, кто рядом. Эмоциями человек раскрывается, как цветок под солнцем. Я Иру и разглядел – такая цельная натура.

– Натуру без тебя вижу. Почему ближе-то не познакомился?

– Завести интрижку? Вряд ли получится.

– Она танцами не увлекается? – обрывает Сергей, – в Академгородке наш, международный танцор, от тебя ведь не отставал: «Борис, нужны статные мужчины с интеллигентными лицами, мои девушки просят уговорить тебя заниматься».

Конечно, я не графская развалина (хотя бабушка рассказывала про какие-то корни) – достаточно спортивен, что видно, характер, может быть, и не нордический, но в «порочащих связях замечен не был». Девушки обращали внимание, не без этого, не так, чтобы сразу вешались на шею, но завести отношения были не прочь. Я принимал это, хотя и не особенно. Не очень-то нравилось просто служить той самой вешалкой и, время от времени перебирать гардероб – не пора ли его поменять. Мне этого недостаточно. Хотя, какой мужчина откажется от чего-нибудь прекрасного, пусть и недолговечного. С другой стороны, ещё вопрос – у нас были девушки, или наоборот – мы у них?

– А если получится, – заканчиваю я, – испорчу ей жизнь. Ради чего – моей прихоти? Она высокого полёта. С ней интересно разговаривать, и обращаться хочется на «Вы». Сам не ожидал.

– Ладно, а что с «дополнительной информацией»?

Я не привык, в отличие от него, выкладывать своё, отшучиваюсь:

– Одни, неприкаянные, решают вопрос «самостоятельно», – Сергей ухмыльнулся, – другие, на Западе, участвуют в соревновании «кто больше соблазнит девушек за вечер». Какой-то москвич хвастался записной книжкой с именами 860 таких девушек, «собранных» не за один вечер, конечно, и как в «Двенадцати стульях» говорил: «У меня все ходы записаны».

После второй рюмки он начинает издалека в дурацкой манере чтения докладов, к которому привык.

– Давным-давно господствовало представление о «Прекрасной даме», даме сердца. Времена минули, индивидуальное понятие сменилось на обезличенное – «Прекрасный пол». Не мудрствуя лукаво пользуются его услугами. Известных примеров достаточно, есть даже среди наших нобелевских лауреатов. Их немного, лауреатов, но примеры есть. Показательный – Дау, в научной среде к нему так уважительно обращались (разумеется, не из-за чрезмерного, по мнению «некоторых», в том числе его жены, внимания к этому полу). Какой физик-ядерщик не мечтал работать у Будкера: глаза, борода, огромный лоб – праведник. Наверное, так Моисей выглядел, не напрасно ему верили. (Будкер пробил идею создания первого в СССР ускорителя на встречных пучках и построил его в Институте ядерной физики).

Мне надоело, и я прерываю:

– Сказал бы просто – добрался до Галки. Отношения с ней у Сергея давно, но, помнится, встречаться им было особо-то негде.

Хочу напомнить, – продолжает он, – что и энергия, несущихся навстречу друг другу сердец, при столкновении несравнимо больше. Будкера уже нет, но её муж вечно занят, некогда ему отвлекаться на семейные вопросы, в институте ставят эксперимент за экспериментом. Она тоже поставила – замок на дверь в свою комнату, а он всё равно не соглашается на развод. Принял я её приглашение, убедившее, что у мужа до глубокой ночи эксперимент, и решился сменить обеденное «меню».

Живут они в пятиэтажке, на третьем этаже, машину оставил подальше, у торгового центра, во дворе дети бегают, кто-то домой есть ходит, не так уж и я приметен. Не прошло и пяти минут, как мы заперлись у неё в комнате, инстинкт сработал …Щёлкает входной замок, несколько человек ругаются по поводу неувязок в лаборатории. Зараза! Хорошо ещё, что ботинки у входа не оставил. Муж стучит к нам: «Я знаю, что ты дома, свари кофе» – и проходит с сотрудниками на свою половину. Есть у меня, может быть, несколько секунд, а может и нет. Галка бесшумно открывает свою дверь, затем входную, я в носках, на цыпочках, выскакиваю и несусь по лестнице. Следом выбегает муж. «Кого выпустила?» – «Показалось, что звонили». Отталкивает её, кричит приятелям: «Смотрите в окно» – и бежит вниз. Я стою… на пятом этаже, слышу, как хлопает дверь в парадной, потом шаги наверх, и разочарованный голос: «Никого». Сажусь у стеночки и завязываю шнурки на ботинках. Разве можно представить, что возня со шнурками способна доставить удовольствие.

– На худой конец, мог бы сходить в другое место. – У меня не худой. Не капает.

Выпили за то и за другое.

Сергея я не всегда понимал, он любит волейбол, шахматы и девушек. В спорте увлекается длинными дистанциями, в отношениях с девушками – короткими. Ему нравится ходьба спортивная и ещё та, про участников которой говорят «ходок». С точки зрения внешности – обыкновенный мужчина, на улице не обратил бы внимание, единственная броская деталь – непокорный вихор торчит на макушке. Может быть, это и привлекало девушек? Проводит он у себя оперативку, ждут задержавшуюся сотрудницу. Та прибегает, извиняется. Думали, что Сергей будет ругаться, как обычно в таких случаях, но неожиданно для всех он смеётся. Причину не объяснил. Дело в том, что среди присутствующих было три женщины и со всеми он был близок, в смысле «прекрасного пола». А с опоздавшей – нет (ещё нет, вот и смеялся). Мой вопрос «Зачем тебе это нужно?» не ставит его в тупик.

– Само собой получается.

– Они друг о друге знают?

– Хочешь, чтобы спросил?

«Верность для мужчины – как клетка для тигра», – говорил про таких Бернард Шоу. Было, кажется, восьмое марта, звоню ему домой, жену не застал, слышу что-то ест.

– Поздравь половину с праздником.

– Нет половины.

– Почему нет? У нас равноправие.

– Какое равноправие? Когда к тебе девушка пристаёт – её личное дело, если ты к ней – уголовное.

– Скажи, что для неё есть подарок.

– Интересно. Какой?

– Ты.

– Кх-кх… кх-кх… чуть не подавился.

– Лишь бы не она.

Звонит местный телефон, вроде некому, ставлю рюмку, беру трубку:

– Попроси ещё, скажи, что завтра отдам.

– Твоя Ира? – уточняет Сергей.

– Да, но не моя. Времени ей не хватило.

– На тебя? – У него погрустнело лицо. – Знаешь, о чём до сих пор жалею? Не иди и ты на поводу у случая. Помнишь, как я остался с носом? Выпью, лежу вечером и думаю – дурак.

Дело было так. Он необычно тщательно готовился. К чему, знают три человека: он сам, тот, конечно же, та, из-за которой хлопоты, и я. В значимые события он меня посвящает:

– У тебя опыт больше, два раза женат, поехали, посмотришь.

– Ты в лес ходишь чаще, зато я дальше.

Девушки, конечно, у него были, и более чем достаточно, на мой взгляд, и времени на кого-то даже не хватало, но он всё время искал новых. На этот раз Сергей впервые задумался: не завести ли более тесные отношения, хотя близких, да, собственно, и никаких отношений не было, просто сразу, как некоторые говорят, «запал». Девушка живёт в городе, добираться до неё, в смысле, доехать, больше часа. Один раз договорились они встретиться

у оперного театра, это не только красивое здание, оно самое-самое. Крупнейшее в России (из театральных), а монолитный купол – крупнейший в мире, под стать и портал из 24 колонн. Она с билетами на «Дон Жуана», он тоже с билетом – на самолёт, срочная командировка, и с извинениями. «В другой раз» – объяснения другие, извинения и просьбы его простить – те же. И таких «разов» было три. Красавица возмутилась: «Хочу наконец толком рассмотреть, как ты выглядишь, может быть, специально увиливаешь?»

Сегодня у Сергея в плане: на вечер – четвёртая встреча, на день – давно назначенное мероприятие, на утро – обещанная метеосводкой погода. Утро не обмануло – загляденье, температура воздуха за тридцать градусов. Народ ломанулся на Обское море, на пляже «Солнечный» при такой погоде теснее, чем на Чёрном море. Есть навесы от солнца (в Сибири!), под одним медпункт, он без работы. У врачей за дежурство на этом месте настоящая драка. Сергей хочет отказаться от мероприятия:

– Предупредила она меня, что это последний раз, не придёшь – всё.

Убеждаю его:

– Ты что, обалдел, делаешь вид перед женой будто занят работой, причём, если повезёт, то до утра. Она с подружками давно купается, и мы до вечера успеем, вода – сиди хоть два часа, – уговорил.

Напротив пляжа – остров, приезжие, услышав название, удивляются – «Тайвань?» Оно и понятно, как в Китае, далеко от берега, а добраться хочется. На нашем – уютный, справедливее – приютный лес, густой, с полянками и кустами, есть где укрыться от нескромных взглядов, отсюда и название, из-за романтической цели посещения – «Тань-Вань». Давно мы хотели доплыть, пусть это не один километр, и цель другая, спортивная.

К продавщицам мороженого волнуется очередь – не достанется. В тени сосен прячутся девушки в неоткровенных купальниках, боятся сгореть (от солнца и на экзаменах), обсуждают поступление в университет. Недалеко похрапывает большое тело. На длинных чёрных трусах лежит табличка из кабины телефона-автомата – «не работает». Песок горячий, но в волейбол играют. Приятели зовут в кружок, где поприличнее состав, но мы стартанули к острову. Надвигается тучка, но время есть, пока дождик пройдёт, пока песок высохнет. Тучи бывают

грозные – молодые, чёрные, налетают, швыряют молнии куда попало, пугают громом, эта – старая, с проседью, еле тащится, бояться нечего.

Она одарила тёплым ливнем, народ рванул в море: вода сверху и снизу. Прыгают взрослые и дети, маленькие кричат от восторга. Капли размером с вишню. Старая туча оказалась ведьмой, как бывает в сказках, злой-презлой. Махнула раз молнией, и вишни созрели… на плечах, на спинах. Вначале град был редкий, но потом закричали все, на песке появилась ледяная крошка. Кому-то повезло: сразу заскочил под навес. Нам не очень, хорошо, что не успели далеко отплыть, но пока бежали к навесу, закрыв голову руками, мне их град разбил в кровь, голову пожалел – больное место? Сергей сплёвывал кровь без перерыва. В медпункте очередь, его пропустили, врач зашил и залепил нос. Смотреть страшно, в цирке было бы – смешно, такой большой нос делают клоунам, они суют его куда ни попадя, за что и получают. Сергей, правда, тоже частенько совал свой в чужую семейную жизнь. И вот заклеили пластырем крест-накрест, сегодня на этом деле поставили крест.

– Больно? – Врача беспокоят слёзы, он ведь не знает из-за чего они. Делает укол. Летний дождь закончился быстро, в этом мы не ошиблись.

– Столько раз к ней ездил, умолял: «Посмотри на меня внимательно». И что она увидит?

– Бутылкой такое не искупить, – каюсь я.

– Что случилось? – всполошились в кафе, куда зашли «передохнуть», – вам чего покрепче?

После выпитой рюмки (не рюмочки) Сергей идёт звонить к телефону-автомату: «Бросила трубку». Пытается закурить, пальцы не слушаются, сломал спичку, мою помощь не принял. За соседним столиком психует не совсем трезвый, не совсем интеллигент. После своего неудачного звонка он призвал нас в свидетели: «Купи, купи… взял на последние – а самих нету» – показывает на стул, где что-то прикрыто газетой. После второй рюмки Сергей расстроился окончательно: «Не берёт трубку». Потом они с интеллигентом чередует рюмки и очередь к телефону. Один ломает больше спичек, другой сильнее ругается. Мы одной бутылкой не обошлись, сосед, на всякий случай, в который раз уже пошарил в карманах и вздохнул – нету больше.

Идём домой, он нас обгоняет, хвастливо размахивает авоськой, в ней – бутылка, с которой его ждали. И ещё – в ней оказалась дырка. Слышим звонкий стук. Углубление на тротуаре стало лужей, в ней отразилась безразличная Луна. Сосед не верит, опускается на корточки, упирается руками в асфальт и застывает. На негладко выбритых щеках показались слёзы. От каждой упавшей в лужу слезы Луна вздрагивает и потом долго морщится. Нам стало её жалко. Брызги попадают на руки не совсем интеллигенту, он их слизывает и шепчет. Склоняет одно местоимение – мою, меня, мат сквозь слёзы, мат отчаяния. Никогда не слышали, чтобы плакали матом. Нашли в карманах мелочь, я протягиваю. Мотает головой – не-а, слёзы закапали сильнее. А ведь у Сергея такое же состояние, вот только никакие деньги ему не помогут. Еле уговорил интеллигента взять. Утёр он лицо рукавом: «Подождите, я быстро» – и понёсся за следующей. Мы – в другую сторону.

Домой к Сергею захожу первым, жена тут же устраивает взбучку, опять мне.

– Кто обещал, что это не повторится? – Увидела его. – Ты не уехал?

И замолчала, когда он повернулся. Нет, чтобы сказать «спасибо», ведь не уехал же!

С красавицей вышло плохо, но её этот инцидент, скорее всего, уже не трогает, а вот с Сергеем нелады. Звонил он, звонил несколько дней – не хочет она больше разговаривать. В результате обиделся сам – привычка к коротким дистанциям. Больше они не встречались, мне он тоже ничего не говорит, не знает – правильно ли поступил. А узнать можно только тогда, когда сделаешь.

Рассказываю приятелю (про нос!), он сокрушается.

– Ничего себе.

– Себе ничего.

– Тут не до шуток.

Не объяснять же ему, что Сергею именно это и осталось – шутить.

Разговор за разговором, подумал (не наговариваю ли, и я на себя?), что они интересны, по крайней мере мне, и что литературный мир нас сблизил. Стало их не хватать. Хорошо бы пригласить Иру в кафе, но с одной стороны неловко, начальник всё-таки, и при том – на сколько старше? С другой, если честно, опасаюсь – вдруг откажется. Не хотел обрывать то, чего не было. Из ниточки незначащих диалогов не связалось ничего тёплого.

А зима, между прочим, холодная. Хорошо, что на исходе.

Международная выставка оргтехники, я – член официальной делегации. Перед обедом возвращаюсь, в коридоре встречает Адик:

– Интересно?

– Смотреть и потыкать пальцем – не получить, информировали, что будут содействовать, пока вот, презентовали по авторучке, – достаю.

– Классная вещь!

Выходит с подругой Ира, нарядная, как весна, зиму что ли провожали? Адик: «День рождения». Моя пауза затягивается – должен бы знать:

– Поздравляю! – вручаю ей авторучку, – такой напишешь хорошую диссертацию.

– Люди, рожденные 29 февраля, имеют особую энергетику. Они способны воздействовать на расстоянии, на меня, например, – подходит с цветочком любитель тенниса.

В обеденный перерыв направляюсь «поблицевать» в шахматы. На партию отводится по три минуты, у приятеля первый разряд. Он мой тёзка, болельщики не могут подсказать ход, а объясняют тем, что не знают, как обратиться – отчества у нас тоже одинаковые. Ира занята другим, стоит в очереди, видел и раньше, что она играет в настольный теннис (в названном выше фильме не умеют). За столом те, которых вежливо выставил из комнаты, оказалось, что они наши чемпионы. Больше развлекают публику, чем играют. Поздравивший объясняет Ире: «Смотри, как бьётся низкий мяч» – удачно попадает и сразу

обращается ко мне:

– Что это вы, всё мимо, да мимо? Вроде обещали, вставайте.

Показалось, что Ира глянула на меня с некоторым сочувствием. «Старый балбес, – это я про себя, – позабыл уже, что когда девушка нравится, то всегда может показаться, что она обратила на тебя внимание». Ребята просто решили расставить всё по своим местам: на работе ты впереди, а в обычной жизни, в очереди на сердце, – последний. Вообще-то, я не занимал.

– Я своё место уступлю, – уговаривает противник поздравлявшего. Почему бы, в конце концов, не попробовать? Решил присоединиться, тоже побаловаться. Началось с раздражения – ракетку всучили плохонькую:

– Посимпатичнее не нашли?

– Бантик привязать?

Размяться не дали. Соперник с довольной физиономией думает «сейчас я тебя» и сразу подаёт на счёт. Кручёный мяч летит в угол стола. Я разозлился и… промазал. Следующий мяч, по той же причине, отправил мимо. Чёрт возьми, нужно собраться! Ира смотрит. Достал платок, подышал на ракетку, протёр, как в былое время делал: ну, заяц, погоди! Он успел оценить мой уровень и сразу после своей подачи отскочил, чтобы успеть принять сильный ответный удар. Он-то отскочил, а я положил мячик у сетки – засмеялись. При следующем ударе моя рука уже привычно вскинулась и резко загнулась кисть, противник дёрнулся, но не в ту строну. Ещё мяч быстро выиграл сильным ударом. Противник заработал пару ехидных замечаний коллег. Наказывать его дальше или не стоит? Но он решил объяснить: «Ракетку не ту взял» – посмотрим. Начинаю гонять его влево, вправо, специально даю возможность принять. Бедный отбросил мысль о нападения – лишь бы отбить. Он носится, а я стою на месте и каждым ударом круг «забега» увеличиваю, на очередном развороте его ноги заплелись и пришлось бедняге уцепился за стол. Народ захихикал, значит достаточно, подкручиваю мяч, чтобы отскок был высоким, и соперник заведомо успел. Мой подарок он не оценил и вложил всю силу в удар. Я ожидал, куда будет бить, и успел подставить ракетку. Мяч с такой скоростью отскочил, что пролетел под его вытянутой вперёд рукой.

Слушаю комплименты по поводу приёма мяча и вижу недовольное лицо Иры. Кем?

Подаю простенько, он легко забивает, я извиняюсь: «Некогда».

– А как со счётом?

– Ничья.

– В следующий раз возьму другую ракетку, – оправдывается соперник, видимо, перед Ирой.

– Не забудь бантик привязать.

Ругаю себя и оправдания не нахожу. Зачем так сделал? Это не глупость – много хуже. Играл я прилично, поэтому к столу с любителями не подходил. Разве можно показывать своё превосходство, зная об этом? Какое имеет значение, что они тоже хотели? Нашёл в чём равняться. И потом, ровесники сражаются за неё. Зачем полез я? Ладно. А какую тяжесть смогу осилить и бросить на чашу спортивных весов, если понадобится? По гороскопу-то я весы, поэтому, наверное, и качаюсь туда-сюда. «Весы» – идеалист и ещё романтик. Вспомнить, что удавалось, всегда приятно и интересно. А сейчас? Ничего кроме этого самого интереса похоже и нет. Любовь с первого взгляда? Взгляд-то был, когда ещё только принимал на работу. А потом? Потом, как в детстве, – суп с котом.

В дальней комнате, слышал, занимались гирями, вместо шахмат пошёл туда. Решил проверить себя, раньше и этим баловался. Размял плечи, поклонился двухпудовке, выжал, держа ручкой вниз, несколько раз. Улыбнулся. Когда молодой, то улыбаешься сам по себе, независимо ни от чего, просто так, потому что – молодой. В книге Виктора Кина с подходящим для меня названием «По ту сторону» оптимистическое начало: «Он смотрел на мир со спокойной улыбкой человека, поднимающего три пуда одной рукой». Я тоже подниму три пуда. И также смотрю на мир, только причина улыбки другая – появилась Ирина… «по ту сторону». Кто там был, только ахнули. Ёлки-палки, вдруг ей расскажут. Что подумает, здесь-то я ни с кем не соревнуюсь. Разве что с собой, со стороны это не заметно, по крайней мере, сразу.

Успел сесть за шахматы, вдохновение даёт о себе знать, разгромил тёзку. – Ты сегодня в ударе. – Меня хотели. – Кто посмел замахнуться? После работы он тянет в рюмочную: «Отыграюсь «вслепую», ребята ждут». Непривычно, но желания нет: «Сегодня без меня». Действительно, некуда откладывать дела, к тому же… у Иры вечером машинное время.

Недавно был Сергей или давно? Однообразие делает время плоским, не за что зацепиться. Юбилей Адика отметили на работе, в институте, но после рабочего дня. На продолжение зовёт меня домой. Поблагодарил: «Спасибо» – скорее всего она там будет, может не стоит идти, не выкинули ли опять чего-нибудь?

Он открывает дверь настежь, поправляет галстук, выглядывает и удивляется. – Ты один? – А с кем приглашал? Он не знает, из-за кого на самом деле я пришёл, да, вообще-то, я и сам толком не знаю.

– У тебя есть с кем. – Думаешь Иветта? – «Огласите весь список».

По обыкновению, Адик не преминул добавить цитату, в данном случае из фильма «Операция «Ы»». Там проштрафившихся алкоголиков отправляют на работу, называя поочерёдно куда. Один из бывалых и просит «огласить весь список». Не знаю, насколько я бывалый, свои пристрастия не афиширую, скорее прячу, но сотрудники норовят вычислить мои предпочтения.

– Иветта – слишком лёгкая.

– Сделаешь у себя «дом лёгкого поведения».

– Я имел ввиду ту, с которой видел тебя не где-нибудь, а в гостинице «Европейская», тоже, между прочим, за кофе. Такая возвышенная.

– Углядел, она высоко летает. Когда мы с ней играем.

– Стоп, отсюда поподробнее.

– Зря навострился. В волейбол играем, двое на двое, мужиков обыгрываем. Её, между прочим, в сборную страны брали. Знаешь, чем она берёт?

– Кого?

– Таких, как ты, – модой. Она на полшага впереди, что-то надевает, сегодня удивляются, а завтра – завидуют. В памяти «возвышенность» и остаётся. А как она ходит?

– Плавно…

– Она отводит в сторону правую руку и кокетливо в такт шагам помахивает.

– Заигрывает?

– Не с тобой, ей с собой интересно.

Квартирка не совсем уютная, тесновата, как он умудряется писать здесь о высоком? Или чем хуже складывается, тем больше мечтаешь вырваться на простор? Пришедшие почти все свои, немного выпивали, не все немного. Девушка не из нашего института спрашивает у меня:

– Адик стихи пишет, а вы?

– Прозу, – она открыла рот, но Адик опередил вопрос.

– Жизни.

– Вы шутник.

Объявили белый танец, незнакомка пригласила меня.

– Танцуете вы хорошо, и я буду с вами на ты, как все. Как у тебя с прозой.

– Не жалуюсь.

Места для танцев не хватило, и музыку выключили, слава богу. Потом, пели, сказали, что у них такая традиция. Натуру Иры дополнили отличный слух

и приятный голос, поэтому за песней обращались к ней. Дуэт хорош, когда хотят петь вместе. Я навязываться не посмел, следуя классику «возбуждал улыбку дам огнём нежданных эпиграмм». Кроме улыбки, кажется, ничего и не возбудил, разве что у незнакомки. Можно ли сказать Ире: «Вот он я, тут»? Или не нужно – время моё прошло. Стали закругляться, показалось, что она неравнодушно смотрит, и я не удержался. Если претендентов много, значит – нужного нет. В голове вертятся слова, будто специально написанные для меня, позволю себе надеяться, что не только. Приятное несоответствие с текстом песни – я ещё не седой. Не сморозить бы что-нибудь такое, как с теннисом. Попросил гитару: «Хочу проверить – забыл или нет» – и начал романс Кошевского:

Капризная, упрямая, вы сотканы из грёз.

Я старше вас, дитя моё, стыжусь своих я слез.

Капризная, упрямая, о, как я вас люблю!

Последняя весна моя, я об одном молю…

Сколько мужчин его пели? Теперь выпало мне. Опять, наверное, удивились. Подпевали, и вряд ли кто обратил внимание, что это я ей. А она? Не знаю – уходили мы поврозь. Незнакомке пришлось объяснить, что мне нужно срочно в больницу, жена ждёт.

А Ира, такая красивая девушка разве может быть одна? Неужели правда, как в другой песне, – «скоро осень, за окнами август». Ведь и в романсе так: «Зачем я вам, капризная, к вам юноша спешит». На что рассчитывать?

Пойду встречать подругу осень,

Висков, пока что не седых,

И глаз поддавшуюся просинь

Когда-то, вроде, голубых.

Дождусь упавших листьев клёна

Под ноги к скошенной траве…

Она вчера была зелёной,

Как молодость ещё во мне.

Дождусь дождей неторопливых,

Как дней, подаренных судьбой,

Вот только зайчиков пугливых,

Игравших радостно с тобой

В глазах, казалось, что любимых,

Я не дождусь, возьми с собой.

Данте увидел Беатриче в девять лет. Он и потом только смотрел на неё и оставил нам то, чем восхищаемся. Я постарше. Что такое скоро пятьдесят? Если иметь в виду не юбилей, когда хорошо выпьешь, и это будет совсем не предосудительно, а пору жизни, когда ты в браке второй раз, и снова удачно. Рассчитывать на что-то новое уже поздно, да и что может быть нового?

Утром в кабинете звонок: «Не забыл, что игру перенесли на семь часов?» Вечером, в спортзале, на площадке, «возвышенная» ругается: «Что ты копаешься, опять заблокируют». Очередной проигрыш. Настраиваюсь. Подача на меня, выбросил из головы свои заботы, принял удачно, мяч направил к сетке, почти ей в руки. В молодости бывало срывался с низкого старта, фиг догонишь. Наконец успел прыгнуть раньше блока и уверенно забил. Получил благодарственный шлепок, по одному месту. Отыграли подряд несколько мячей. Странно, но мои мысли вернулись к вчерашнему вечеру: зря пил, с гитарой полез, опять выпендрился, да ещё эта незнакомка, Ира меня и «не заметила».

Планировали отметить победу в «Европейской», план при социализме не может быть не выполнен, мы и выполняем, в смысле – отмечаем, несмотря на дурацкий проигрыш в финале. Так я и не собрался, чем была забита башка? Фантазией предпенсионного возраста. Коньяк запиваем кофе, он тоже не для победы, горький.

– Кофе сегодня прогорклый, – подтверждает бармен моей спутнице, нагнувшись, чтобы вокруг не слышали, она – постоянная посетительница.

– Дома лучше сварим, мне привезли из Финляндии.

– Сегодня не стоит, – это не я сказал, – это мой внутренний голос, и самому показалось странным, что я с ним согласился.

Даже не задумался, поэтому особого внимания не потребовалось, чтобы заметить, как погрустнели её глаза, и я надеваю дежурную улыбку. Почти сразу, вначале через силу, а потом искренне они засмеялись. Сообразил, что она всего лишь переставила в глаголе ударение и загладила обиду юмором. (В её кругу такой лексикон). С чего это резанул обидным «нет»? Где моя хвалёная вежливость? Зачем девушке указывать на невнимание, она принцесса, а я делаю из неё прачку моих грязных слов. Пусть она остаётся тем, кем хочет быть. В конце концов, я «Весы» и не известно, где успокоюсь.

– Мне не рекомендовано его пить, делаю исключение для тебя. Продолжение отложим до лучших времён.

Бросила: «Подожди минутку» – и удалилась по своим делам. Я вышел на улицу, швейцар постарше меня, ливрея уже не застёгивается, открыл дверь. Утром в его напыщенном лице проглядывал мальчишка, мечтающий, что перед ним будут распахивать двери, сейчас он как минимум представляет себя швейцаром в отеле «Ритц», в старушке Европе, ведь наша гостиница тоже не молоденькая, ей лет двести. Впрочем, может быть он и не знает, что такое «Ритц», интересно, кем будет к ночи? На Михайловской улице из деревьев нарезали зелёные шары, киоск разносит лёгкий дурман цветов, тут ему место. Яркие фонари перекрыли звёзды – нечего в небо пялиться, всё, что нужно – здесь. На площади Искусств «вознёсся» Пушкин, протянул руку в сторону, а смотрит на меня:

– Что день грядущий мне готовит?

– Очередную глупость, – отвечаю себе сам.

Рядом группа девушек на любой вкус, работа у них такая, но каждая, наверняка, надеется, что устроит свою жизнь. Клиенты тут не бедные, много иностранцев, вот один вышел с дипломатом – это я. Откуда им знать, что в дипломате спортивная форма, есть, правда, и бумажки, но не зелёненькие, а наши и не так много, как им хотелось бы. Адик говорил, что у Иры приятельница тоже поставила цель – уехать. Я её не знаю, но приглядываюсь к лицам, нет ли

знакомого. Девушки заинтересовались – не зря вышел мужчина на ночь глядя, да ещё классно выглядит, подошли ближе.

– Ни на минуту нельзя одного оставить, – появилась моя спортсменка.

– Место такое.

– В институте у тебя тоже такое.

Вместе спускаемся в метро, подсаживаю её за локоть в вагон. Стоим рядом, но уже разделённые дверью, показываю на себе, что глажу ладошкой её недовольное лицо. По глазам вижу, как возвращается теплота, и теперь уже она машет мне. Внутренний голос не забывает сказать «Спасибо».

Адик заходит с новым предложением.

– Ты ведь играл в баскетбол?

– И не только, в юношах за область.

– На «Спартак» с нами пойдёшь? – Адик не договорил, с кем «с нами», но я понимаю, о ком речь и продолжаю об игре.

– Я смотрю НБА.

– Там Гомельскому, как комментатору, можно аплодировать.

– А кому зрители больше хлопают?

– Кто эффектно забивает.

– Нет, это обычная ситуация. У меня, например, рост ниже среднего, для баскетбола, и если у нас перехватывают мяч, то наши большие остаются не у дел. Несутся два соперника в отрыв, перебрасывают мяч друг другу, я быстрый, успеваю вернуться, мечусь между ними – бесполезно. Очевидно, что

проиграли, один непременно положит его в корзину. Он и прыгает, вытягивается к кольцу – всё, сейчас забьёт. Наши болельщики топают ногами от бессилия. И тут я: подскакиваю, прыгаю, непредвиденно высоко, и – снимаю мяч с кольца. Вот где восторг, нежданная радость, она сильнее. Вспоминают потом не игру, а этот эпизод, особенно девушки. А соперники обобщают: «Из-за тебя, гад, проиграли».

Зал заполнен, несколько тысяч, места для нас в первом ряду второго яруса, его отделяет от первого широкий проход. Игра так себе, можно было не ходить. В перерыве – лотерея для зрителей, призы – две майки с эмблемой клуба. Народ криками убедил комментатора: «Бросай, кто поймает». Первая летит на противоположную от нас сторону. Короткая схватка, крики недовольных. – Моя. – Нет, моя. Вторая – на нашу трибуну, и падает Ирине на колени. Зрители одобрили хлопками. Подталкиваю: «Покажись» – шквал аплодисментов. Комментатор соглашается: «Приз нашёл своего зрителя».

Рядом с ней, с другой стороны, сидит Адик: «Ире, вообще, сопутствует удача». Смотрит на неё, но получается, что и на меня. Я – удача? Интересно, в фойе проходили мимо большого зеркала, в котором видел всех, в том числе и себя, но удачи не заметил. Да и не мог, я же не знаю, какие мужчины ей нравятся. А если бы знал? Что из этого – а ничего. Не подходишь – оставайся, какой есть, себя, наверное, уже не переделать. В зеркало я, вообще, не смотрюсь, да и глядеть некогда, но главное – не за чем. Когда утром бреюсь, себя толком не вижу, не то, что «удачу». Был повод рассмотреть лицо: отец подарил опасную бритву Solingen, и я с непривычки оттяпал кусок кожи. Уставился: радости особой увиденное, в смысле – физиономия, не доставило, но и причины плакать тоже.

Можно уповать на «со стороны виднее», повод ли это собой гордиться? Если «шутки в сторону», то каков человек, считающий себя удачей? Ему безразличны окружающие, он считает себя выше всех и способен любить только себя, он – нарцисс. Адик, будто специально, опускает меня на землю (обычно я его).

– В отделе тотализатор по футболу («Зенит» – чемпион), Ира, на удивление, знает про тренеров, про игроков, и ей «везёт». Но иногда говорит: «А-а, рискну, хочу красивой игры», – тогда не угадывает.

Если человек считает себя удачливым, он пробует разное, и рано или поздно ему повезёт, потому что отважился на то, на что другие не решались. Такие люди

понимают жизнь глубже и летают выше. Удача сама попадают им в руки.

Не зря я частенько стал вспоминать про возраст, но, может быть, мне всё это только кажется, потому что так хочу? Живи, как жил, радуйся, тебе вон завидуют, не поздно ли замахиваться на недостижимое, а принять то, что есть, и смириться? Стоит ли добиваться её внимания? Если действительно любишь, то думаешь, во-первых, о счастье того, кого любишь. Сейчас-то я заметен, даже на фоне её сверстников, а как буду выглядеть лет через двадцать рядом с молодой и красивой женщиной? Дина Рубина справедливо напишет «Жизнь – потрясающая штука, если затевать её вовремя».

К месту, или наоборот, не к месту, память достала рассказ Шарля Азнавура, который пользовался исключительным женским вниманием. С возрастом оно убывало, убывало и ушло. Девушки перестали бегать за ним стайками. И уже он смотрит на них, но без ответа. Остановился грустный у перекрёстка, весь в воспоминаниях: как недавно это было – времени не хватало, в том числе и на этих девушек. А теперь вот спешить некуда, стоит ли вообще переходить на ту сторону или нет, да и зачем? Топчется он в нерешительности с ноги на ногу, и вдруг подбегает красавица, светится радостью. Неужели от встречи с ним? Ну, наконец-то! Шарль повеселел, подтянулся, вдохнул глубже. Берёт она его под руку, как в старые, добрые времена, смотрит преданно в глаза и:

– Разрешите… помочь вам перейти улицу.

О чём напомнил мне Сергей, и о чём до сих пор жалеет. Я его тогда успокоил: «Чем больше случаев, тем больше жалости к себе, не переживай». И я так буду? Тоже выпью, лягу вечером и начну ругать себя – почему не объяснился? С другой стороны, кто я такой, чтобы навязываться? Не был бы начальником, ещё – полбеды, а так, – это просто наглость. Она даже не намекнула на интерес, а с моей стороны что было – одно бахвальство. Сергей недоволен – поддался случаю. У меня даже поддаться не выходит.

Лето, со своей стороны, поддалось – неважнецкое, народ за город не рвётся, поэтому кафешки вечером забиты. Какое удовольствие, когда стоят над душой, её ведь нужно будет показывать. Это в том случае, если приглашу её в кафе, если найдётся повод пригласить и если она согласится. Вероятность такого набора событий известна. Напрасно или нет не знаю, но думаю, чёрт, только

и делаешь, что думаешь. Думать-то не о чем, ничего, вообще, не было! То, что сейчас происходит, идёт помимо моей воли. Да и раньше, по большому счёту, палец о палец не ударил, всё выходило как-то само собой, не прикладывал я особых усилий, разве что – глаза закрывал. И вот теперь, непривычно для себя, вознамерился попробовать – делаю шаг навстречу… сидя. Расположился в кабинете, освобождаю время для завтрашнего вечера, потому что наконец-то решился и достал, кстати, с превеликим трудом, билеты на хороший спектакль; проявил волю, почему-то раньше проявить её было неудобно. Ире, правда, сказал, что, случайно достались, согласилась.

Надеюсь, но суеверно прячу эту надежду от себя, что освобождаю время не только для завтрашнего вечера, именно поэтому и готовлюсь. Как это делаю? Очень просто: листаю «амбарную» книгу – задел добрых отношений, в неё, по названию понятно, складываются просьбы сотрудников и коллег о мелочах, не требующих оперативного решения. Таких всегда набирается не один десяток, – мелочи для меня, а для кого-то значимые вещи. Бывает, и не редко, что наваливается проблема, тогда всем не до мелочей и память от них очищается, в том числе и у тех, кто просил. Тут книга и выручает, я – «помню». С каким удивлением поднимаются брови у просившего, или меняется его голос по телефону, когда я вдруг сообщаю, что его вопрос решён.

Так и сейчас разбираюсь, чтобы не упустить важное. Настроение отличное, насвистываю Морриконе, «Мелодию надежды», её можно слушать и слушать без конца, не в моём исполнении, конечно. Она красивая, без слов, я их подбирал сам и ещё не знаю, какими они будут на этот раз. В коридоре тишина, после рабочего дня почти все разбежались. Повторно заглядывает тёзка: «Не передумал? Может всё-таки тяпнем и сыграем?» – удивляется моей перестройке. До возраста Христа он не пил, не потому, что верующий, а занимался спортом – лыжи, велосипед. При его хилой фигуре имел первый разряд. Всё лето на работу ездил на велосипеде от Пискарёвского кладбища, где у него дом, это – километров двадцать. Потом бросил. «Вечером, – объясняет, – задержишься и, если примешь, то на велике куда попадёшь? А там у меня дедушка с бабушкой, боюсь, что не узнаю их, я ведь тогда совсем маленький был». Это он, кстати, сумел организовать Чупу, сам тоже ездил.

Второй раз Морриконе прерывает частый стук каблучков в коридоре. Забегает бывшая, можно назвать «подруга», видно, что сильно расстроена. Я непроизвольно вздыхаю. Как-то на вечеринке, давно это было, даже очень давно, мы прилично выпили и остались там ночевать. Она иногда «намекала»

на повторение, но я отшучивался. И вот снова.

– Что случилось?

– Хорошо, что застала, наших никого нет, проводи меня, пожалуйста.

Моя недовольная гримаса её не останавливает.

– Я не говорю, что у мужа ночью корабль отходит.

Видит же: некогда, точно не поеду, и лишает меня права выбора.

– У нас хулиганы во дворе появились… правда.

Меня всё раздражает: не захотела ехать на такси (чтобы я не тратился, или хочет потянуть время?), в метро объявили, что состав идёт в парк, потом автобуса нет и нет, да ещё на каждой остановке он ждёт и ждёт, хочет подобрать всех. Ругаюсь (про себя, естественно), бес меня попутал. От центра дом не очень далеко, но, тут, мягко говоря, темновато, редкие фонари пытаются найти прохожих – и не могут, мы одни. Стандартная пятиэтажка отличается от соседних тем, что состоит из двух смещённых половинок, между которыми есть арка для проезда машин. В ней, у стенки, осколки бутылки, недавно выпили и разбили, оглядываюсь. Заходим во двор – никого, к счастью нет, хотя, в чём счастье, – что довёл до дома? На тротуаре валяются грязные бумаги, окурки, ветерок играет пакетами, на проводах болтаются тряпки. Переступаем мусор, идём к подъезду. Продолжаю ругаться про себя: «Не зря тусклые фонари – мусор не так глаза режет. Угомонись уже, не на экскурсию явился, благополучно добрались – и радуйся, доведёшь до квартиры, скажешь «всего хорошего». Делаем ещё несколько шагов, она держится за левую руку и вдруг вцепляется, откуда столько силы взялось: «Бежим!» – и тянет меня назад. Я тоже увидел, но – поздно (один бы, конечно, убежал)».

Густая берёза прятала четвёрку здоровых лоботрясов. Они словно ждали нас, радостно захихикали, оценили, видимо, обстановку, и вразвалку двинулись навстречу. Их тени начертились на тротуаре и угрожающе потянулись к нам. С каждым шагом они вытягиваются и вытягиваются, подбираются ближе и ближе. Хотят дотянуться. Всё чётче и чётче проявляются наглые рожи. Глянул по сторонам: никого больше нет, в ближайших окнах света тоже нет,

до подъезда не добежать. Лихорадочно соображаю – что же делать? Стоим на месте. Выбора нет. Сжал кулаки, напряг мышцы, расслабил. Аккуратно начинаю расстёгивать молнию на курточке, не дай бог, заест. Раздвигаю полы, чтобы не мешали двигаться, а нужно будет, да ещё как. Вам это даром не достанется. И тут рука за что-то зацепилась – меня будто током ударило. Вожак оскалился и вышел на шаг вперёд. Подруга прячется за спину, слышу шёпот: «Мамочка». До нас метров тридцать. Они не торопятся получить то, что само пришло в руки. Против них один, чуть выше среднего роста. Двадцать метров. Ну, твари… погодите! Быстрым движением, выхватываю из внутреннего кармана пистолет. Выродки задёргались, пытаются спрятаться один за другого. Я начинаю медленно его поднимать, спрашиваю у подруги: «Который?» – и снимаю с предохранителя. Они застыли, скукожились и стали жалкими. Выпучились от ужаса глазки, не подозревали, что в своей паскудной жизни будут дрожать от страха, и что она вот-вот закончится. Один выронил барсетку.

Но тут со скрипом открывается дверь подъезда, показывается женская задница, детская коляска, за ней мужчина и кто-то ещё. «Чёрт!» – ругаюсь я и убираю пистолет.

Как эти подонки драпанули. Осталась барсетка, вонючая лужа и тянущийся за беглецами след.

Дома подруга пытается угостить меня чем-нибудь покрепче чая, но вначале себя. И я успокаиваюсь, посмотри: грязные пакеты на самом деле цветные, завтра, на худой конец послезавтра, их уберут, как и всё остальное. Не раздеваюсь, нужно бы уходить, но Олечку трясёт. Я её раньше не представил, потому что имя не имело значения, а сейчас оно стало важным, не для меня, разумеется, для неё самой. Говорят, что она пользуется вниманием, милая, обходительная, в общем, симпатичная, ну не хватает ей чего-то ещё. Не одна она такая. А сам что, не такой же?

Бутылку принесла в прихожую, достать пробку не может, руки у неё трясутся, мне в рюмку не попасть. Забрал, наполнил: «За удачу». Стоим мы спиной к дверям, слышу щёлкает замок. Одно к одному – удивлённый мужской голос: «Здравствуйте». Я поворачиваюсь, плотный мужчина с чемоданчиком, роста невысокого, одет прилично, увидел рюмки и челюсть у него задёргалась: «Что происходит?» Оля представляет меня:

– Борис, – и дрожащим голосом спрашивает, – видел на улице лужу?

Рассказывает мужу и, немного поостыв, добавляет: «Хорошо, что ты не уехал». У него остановился от напряжения взгляд:

– Откуда пистолет?

– Газовый, – поясняю я, – от Макарова не отличить, на работу взял показать ребятам. Коробка большая, неудобная, вот и принёс в кармане. Вспоминали ещё дуэль Бельмондо в фильме «Профессионал» и соревновались, кто быстрее вытащит пистолет. Я выиграл.

Муж уговаривает меня остаться ночевать, провожает на такси, пытается оплатить.

Еду молча. Таксист не наговорился за день:

– Могу чем-то помочь?

– Жизнь состоит из случайностей: удачных и не очень. Повезёт, если они совпадут.

Перебили разговор о театре, но хочу обратить внимание на другой театр, по Шекспиру – «Весь мир – театр. В нём женщины, мужчины – все актёры». Избитая фраза, ведь не просто так его театр назывался «Глобус». Спектакль о любви в нём играют двое. Чтобы кого-то туда принять, его нужно понять. Хотя многие поступают наоборот – сначала принимают, тогда на спектакле учатся. У Хемингуэя получилось с четвёртого раза. Почему бы и мне не попробовать написать пьесу про любовь. Каждый пишет для себя сам, если повезёт, то – вдвоём. Тогда обоим понравится.

Вот её страницы. Они не первые. На самом деле всё началось с нежданного «знакомства». Я не понимаю до сих пор, почему так упорно старался его не замечать. Не зря Сергей удивился.

В настоящем театре, куда достал билет, сидим мы недалеко от прохода. Мне неловко обращаться на ты, но в институте я со всеми на ты, кроме генерального. Две пары остановились напротив, привстаю, думал, что им нужно пройти

по нашему ряду дальше. Один махнул рукой, мол «спасибо, нам не сюда», и что-то обсуждает, глядя на нас. Я не прячу усмешку. «Ты ошибаешься» – вот оно, первое «ты», сказанное Ирой. Поражаюсь не внезапному уходу с «вы», а её пониманию. Моему удивлённому взгляду она не сразу, но всё-таки отвечает: «Завидуют не тебе, а нам». Внутри у меня ёкнуло – «нам», какое восхитительное слово, не найти прекраснее, неужели мы вместе? Стоп! С чего ты взял, будто она нас объединила? Объединили те, кто на нас смотрит, она всего лишь заметила, что со стороны мы, как минимум, неплохо смотримся, и всё! Не обольщайся. Впрочем, и это неплохо, была любимая поговорка – «какие наши годы», но мне она уже не подходит.

Теперь решился пригласить её в кафе и не напрасно ожидал, что согласится, тем более, что погода способствует. Васильевский остров, берег Финского залива, торопливые чайки падают в мелкую воду, не каждая возвращается с добычей, да и та не бог весть какая. Несколько столиков, деревья загораживают их с северной стороны, будто в ненастье кто-то сюда придёт. Сегодня тёплый вечер отвлекает горожан от проблем рабочего дня. Ему помогают две длинноногие официантки в коротких юбочках, они изящно, как им кажется, фланируют между столами, предлагая разные вкусности. Молодые парни, успевшие до этого изрядно выпить, не так истолковали их приветливость, и после ответных действий покинули заведение. На освободившееся место приглашают почему-то нас:

– Вы весной были, говорили ещё, что попали на балетный спектакль, – официантки заинтересованно оглядывают мою спутницу.

Запомнили, надо же, надеюсь – не чайкой за добычей. Комплимент, это – бумеранг, чем он удачнее, тем точнее вернётся. Принесёт желаемый результат, как сейчас, или – хорошо, если отделаюсь «синяком».

– Для него жизнь – театр, – соглашается Ира, не поймешь с каким оттенком.

Пытаюсь изобразить каменное лицо:

– Не слежу, куда с какими приятелями заходил выпить. По-моему, нормальная привычка – сказать приятное девушкам, возможно, говорил, что у вас «ан деор» отлично получается, или что-то в этом роде.

Закатное солнце ласкает её плечи, отражается на небольшом ожерелье с голубоватым камнем, не знаю точно каким, но красивым. Вокруг благодушные голоса, неспешные разговоры. Кому нужно было домой, убежали. Остались те, кто нужен друг другу, и таких много, все столики заняты.

У нас речь пошла о возвышенном, то есть, о чувствах, но о других – о поэзии. В разговор вмешался Сарасате «Цыганскими напевами» и, как говорил Горбачёв, всё усугубил (с ударением на третий слог). Пронизанная тоской мелодия совершенно естественно переключает меня на цитируемого тогда Бродского «Ни страны, ни погоста не хочу выбирать. На Васильевский остров я приду умирать». Хорошо, что я это не сказал. Ира продолжила музыку тремя строчками из стихотворения «Вечер» Ахматовой.

«Звенела музыка в саду

Таким невыразимым горем.

Свежо и остро пахло морем»

И добавила:

– Не хватает «на блюде устриц во льду». Недавно вышел сборник лирики Анны Андреевны. Место подходит: морем, правда, пахнет не остро, не как было у неё с Модильяни, зато «скорбных скрипок голоса» – точно оттуда. Подходит ли нам с Ирой окончание короткого стихотворения: «Благослови же небеса – Ты в первый раз одна с любимым»? Она до него не дошла. Понимай, как хочешь. А что я хочу – чтобы молодая красавица призналась в любви «мужчине в возрасте» вот так, с бухты-барахты?

В такт ритму слов поднимались и опускались ресницы, ветерок играл завитушками волос. Я любовался и не пытался это скрывать, как раньше. Хотелось дотянуться и раскрыть их чуть больше. Чтобы увидела меня.

Мы встретились на перекрёстке

Открытых временем страниц,

Где прячет эхо отголоски

От шелеста твоих ресниц.

Где буквы – дочки жмутся к точке

У строгой матери – строки,

И мыслям грустно в одиночку,

Как людям, в омуте тоски.

Где цвет у неба синий, синий,

Надежду дарит бирюза.

Ко мне спустившейся богини

Любовью светятся глаза?

Написал я это, конечно, потом, но потянуло на рифму сейчас, прежде тянуло в другое место, с приятелями. Ира часто говорила красивыми экспромтами. Не от этого ли и у меня появилась причина складно поговорить с собой? Конечно, это не стихи, но дело в другом: может быть, удастся, пусть и неуклюже, продолжить говорить в рифму с ней? С одной стороны, шелест ресниц, он рядом, с другой – листья клёна.

Осторожно надеюсь, на Ахматову можно, что простое увлечение переросло во что-то значимое и взаимное. Будь, что будет. Неспроста даже само место подталкивает, рядом со столиком раскидистый клён, листья близко… и в прямом смысле. Ничего не поделаешь, до моей осени тоже недалеко. Не буду её ждать. Всё равно на вопросы, заданные жизнью, верный ответ даёт только время.

Наклоняюсь к Ире, голос сам собой понижается, но я всё-таки уверенно говорю, что хотел бы сделать ей подарок. Самый дорогой, возможно, самый древний, какой девушки получают. Скорее всего, первый раз его преподнёс неандерталец – высокий, сильный мужчина, пленившей его представительнице гомо сапиенс сто тысяч лет назад. Это не только красивый подарок, но и нужный – он подарил Луну. В те времена днём-то было опасно, а ночью и подавно. Чем осветить дорогу любимой? Луной. Влюблённый неандерталец протягивает к небу руки: «Жди, принесу». И уходит. Откуда ему было знать, что Луна не прячется за горизонтом. Как настоящий мужчина он не мог вернуться, не выполнив того, что обещал. За горизонтом открывался новый горизонт. За ним ещё и ещё. И нет им конца… А у жизни был.

Она помнила, какой он. Других таких нет. И не знала, что он может не вернуться. Память она сохранила в себе. Эта память осталась на все времена. В нашей крови его гены. Память их любви. Кому из нас они достались, тот становится настоящим мужчиной и продолжает дарить Луну. Подарок не отнять и не потерять. Вместе с Луной он дарит себя. Тогда Луна сияет светом любви, делая жизнь счастливой. Медики утверждают, что их генов становится меньше и меньше. Неужели придёт время и не останется людей, которые для любимой готовы сделать невероятное? Какая скучная будет без них Земля.

– Кофе оказался неожиданно вкусным, – переключаюсь я, оставляя прапра…родительницу, полагая, что и мою, с непрошедшей любовью. Ира порылась в сумочке, достала автобусный билетик:

– Утром дали счастливый, даже цифры совпадают. Смешно, но я первый раз решила не выбрасывать.

– Счастьем не бросаются, – поддерживаю я советскую примету, – во что у нас ещё верить?

Почти над самым столом замечаю подсушенный листочек клёна, он опускается медленно, петляя из стороны в сторону, решаю не дать ему упасть на землю. Но оказывается, Ира увидела раньше и у неё наготове раскрытая ладонь:

– Если на вас упал желтый лист, примета уже народная, то в этот день ожидайте перемены к лучшему.

Забегали, закрутились мысли: листочек-то мой, но вспомнил про себя-удачу и промолчал. Собрались уходить, когда отодвигал её стул, ненароком зацепил платье рукой. Взгляды встречаются, и мы оба смеёмся, хорошо, что, кажется, понимаем друг друга без слов – потому что дальше у Ахматовой в стихотворении:

И моего коснулся платья.

Так не похожи на объятья

Прикосновенья этих рук.

Смех разрешил обнять Ирочку за плечи, может показаться странным, но делаю это тоже первый раз, благо, что есть предлог:

– Нельзя обмануть ожидание Анны, тогда ещё не Андреевны, она знает, кому помогать.

Провожаю домой. Типовая пятиэтажка стоит на углу, одной стороной она даёт приют магазинам, другой закрывает чистенький дворик. В его задачу входило окружить деревьями детский садик. До конца не удалось, обычная ситуация для жилищного управления, а какая у меня ситуация? Остановились у подъезда, пора сказать «до свидания», чувствую, что наступил подходящий момент сказать до какого именно. Лето, сейчас уже неважно, какое оно было, моё лето, на исходе, впереди та самая осень. Набираюсь духу свалить все свои желания в одну кучу и неуклюже предлагаю:

– Лето на редкость неудачное… не слетать ли нам на юг, за подарком? Море ещё тёплое и… Луна там ближе, – шутка такая про Луну, географическая, от волнения не придумал лучше.

Замешательство. То ли от неожиданности вопроса, то ли от моего тона.

– Спасибо.

Успел обрадоваться. А она продолжает.

– Я подумаю.

Объяснений ответу два, и оба правильные. Неудобно отказать сразу и ещё более неудобно сразу же согласиться.

Через несколько дней, в кабинете поздно вечером, без стука отрывается дверь – Оля, оглядывается, нет ли кого в коридоре.

– Не вздыхай, провожать не прошу.

Достаёт из сумки пакет и показывает бутылку отменного коньяка.

– Из загранки муж привёз, тебе. Передаёт отдельное «спасибо».

– Не мне, случаю.

– Всевышнему, что ли? У нас в округе удивляются – куда хулиганьё делось? Я не объясняю.

Можно ли тоже назвать случаем, что проходя мимо институтского буфета, увидел Иру одну, всё время она с кем-то была, не приглашать же в кабинет, чтобы услышать ответ на свой вопрос. Здесь восемь пластиковых столиков позволили себе согнуть уставшие ноги, на них наваливаются тяжестью своих проблем простые люди с не такой уж лёгкой работой, как кажется. По стойке смирно они стоят в другом учреждении, где я сегодня успел поесть.

– Ой, вы сказали, что не будете обедать, я не оставила, сейчас, – извинения буфетчицы прерываю.

– Спасибо, не нужно, мне – компот.

Ира задумалась в уголочке, вилкой тычет в тарелку, не обращая внимания, что там лежит. Левой рукой, не глядя, мешает ложечкой такой же, как у меня компот… а откуда возьмётся другой? Смотрит в одну точку. Что-то там сошлось, или, наоборот, не сошлось, поэтому и всматривается. Заметила меня и перевела вопросительный взгляд на одинокий стакан, который я ей показываю. Подсаживаюсь.

– Взял, чтобы подсластить ответ, – она говорила, что последнее время в компоте переусердствуют с сахаром.

Подняла глаза, похоже, в них зародилась улыбка.

– Хорошо.

Пожимаю плечами, благо есть чем пожать.

– Что хорошо? Что летим или что не зря взял компот?

– Можно было не брать.

Предлагаю проводить домой. Вечером ожидаю на остановке, мне нужно объяснить ситуацию, но надвигается гроза, зонтов нет, вымокнем, простудится ещё. Еле успели добежать до её подъезда и спрятались, как школьники. В квартиру не захожу – неудобно, да и не приглашает. Живёт вдвоём с мамой. Стоим у окна, смотрим, когда закончится дождь. А я не могу начать извиняться – мы никуда не едем. Сам узнал об этом перед уходом с работы, генеральный изложил проблему, из-за которой поездку придётся отложить на неопределённый срок. Объясняю это Ире, а сам уже поглядываю на часы, нужно успеть вернуться в институт. Она смотрит мне в глаза, я ей на руки. Ладони на подоконнике, пальцы начинают подрагивать. Мои дела сразу исчезают. Не понимаю, что с ней случилось. Молчим. Ливень ушёл неожиданно быстро. Ира сдавленно говорит: «Чем сильнее ливень, тем быстрее проходит – ты тоже… иди». В глазах что-то невообразимое. Успокоить её, встать на колено и признаться в любви – не умею и боюсь. Вдруг засмеётся. Спросить – тем более не могу. Не до конца понял себя? Ира красивая и молодая! Может передумала? А я? Есть только надежда, вот и зацепился за Луну. Откажется от подарка – будет хоть не очень стыдно, в моём-то возрасте.

* * *

И вот я во Внуково, с верой в теорию вероятностей лечу дальше. Дела в Минске закончил быстро, Гомель почти рядом. Приятелей я не понял – встречают без бутылки: «Нас ждут, а повод выпить сейчас будет». Везут в университет.

– Тебя ректор знает.

– Мы как-то на конференции разговаривали, он сказал, что мой доклад его заинтересовал.

В ректорате объясняют. Открылась новая кафедра по моей специальности, преподавателей хватает, нужен завкафедрой. Предлагают мне, дают ключи от квартиры: «Можете въезжать». В парке, на берегу симпатичной реки Сож, у дворца Паскевичей, приятели разливают:

– Перспективная кафедра, дособерёшь нужных людей, река как Нева, что в Питере делать? У нас без забот, следи за «модой» и всё, а тебе и следить не нужно – ты впереди. Поэтому и приглашают.

– С одной стороны – заманчиво.

– С другой – учти – отказ даже от простой мелочи на психику долго давит.

Возвращаюсь наконец домой, из аэропорта – в институт. По коридору выжидательно сопровождает Пётр, выходит нетерпеливый Адик:

– Ну что? Привёз?

– В двух словах не объяснишь – на собрании… такое впечатление, что тут ремонт был.

– Да нет, с чего это тебе показалось?

Навстречу топают чемпионы по теннису, раскланиваются: «Добрый день». Пробежал быстро по всем комнатам, не в поисках Иры, а всегда так делаю после командировок – со всеми поздороваться. Её нет. Потом неотложные хлопоты, короткое обсуждение у начальства. На собрании отделения рассказываю, что привёз новое программное обеспечение, о котором было столько пересудов и вот – оно у нас. Её опять нет. Коллеги из других институтов успели прослышать, трезвонят: «Как бы нам получить?»

Ребята не первый раз напоминают про обед.

– Может принести?

– Нет уж, спасибо, я начитан про места, где еду разносят.

В буфете пусто, за столиками и на витрине.

– Если что-нибудь осталось, поем.

– Вы единственный, кто не ругается. Заранее не благодарите – вдруг не понравится.

Подбираю вилкой «что-нибудь». Вернулся. Всё так, как и было, обычная жизнь. Сегодня пойдут в театр или в кино. Есть я и ли нет, что изменилось бы – почти ничего. Кто заплакал бы всерьёз?

И тут входит Ира, на ней кофточка, в которой была, когда я уезжал (запомнил):

– Сказали, что ты здесь. Привет. Я тоже не ела.

– Тоже и тебе возьму, наверное, осталось.

– Меня уже обрадовали новостью.

– Руководство галочку поставит, что внедрим новое, а мы столько работы на себя взвалили.

Ни к чему не обязывающий разговор сослуживцев, и она переходит к тому, что я жду.

– Выклянчила у наших машинное время. Подчищаю хвосты.

– Есть причина раздать долги? – да что это я, в конце-то концов. Обиделся на то, что не встречает меня с цветами после случившегося? Хорошо, что она не знает. Почему вынуждаю её объясняться? Почему не спросил прямо, чего боюсь – отказа? В молодости не боялся, правда и поводов не было, всё получалось. А теперь заставляю переживать того, кого люблю, козёл.

Смотрит на меня.

– Ты сказал… в твоей программе ошибок нет, – в глазах, похоже, недоумение, но она заставляет себя пошутить, – вот и искала в своей.

Беру её маленькую тёплую руку:

– Прости, я перенервничал… билеты заказать на ближайшее время?

– Да, – удивительное слово, самое короткое, а все проблемы снимает одним махом.

Душа трепетала, просилась в полёт, в прямом и в переносном смысле, моя душа. Наконец, мы первый раз действительно вместе. Летим за подарком. Примет ли? Сидим рядом, сидели рядом и раньше, но не одни, а как зрители в театре, это не в счёт. Правда, один раз были вместе в кафе, вот там как раз хорошо, что не одни, а с Ахматовой. В результате мой курс, теперь надеюсь, что наш, на юг, в Геленджик. Отчего туда – вернувшиеся из отпуска приятели сказали: «Народу там мало».

При взлёте, она взяла меня за руку. Я было обрадовался, но выяснилось, что она просто боится летать. Когда узнал почему, всё равно радости не убавилось. Не легко прогнать улыбку – рядом любимая, и я позволяю себе думать, что взаимно. И вот над нами чистое небо. У меня внутри тоже чисто и светло. Внизу леса, реки, города – но, трижды мысленно перекрестился, до них далеко. Томительное и одновременно радостное ожидание праздника.

Упорная, надоедливо общительная, соседка пополняет свои знания – донимает кроссвордами. Человек открывается в общении – Ира показывает мне новую черту, не может не помочь постороннему, даже в мелочах. Заодно удивляюсь эрудиции – практически на все вопросы ответила.

Из аэропорта тороплюсь, едем на такси, сидим на расстоянии друг от друга. Шутку бы сюда, но не идёт. Сидим, как не знаю кто… а ведь так оно и есть, не знаешь – кто ты. В неведении и доехал. Хорошо, что Ира рассказывала про Джулию Робертс в фильме «Красотка» – я не успел посмотреть.

Осень не поздняя, нас не обманули, в смысле отдыхающих, их практически нет. У самой воды – двухэтажная гостиница в зелени, свободные номера. В Ирин я поставил букет хризантем. Почему их – накануне, на её столе из кучки распечаток программ выглядывал сборник японской поэзии, обложку украшали эти цветы. В японском языке Солнце и хризантема пишутся одним иероглифом, и так совпало, что в сентябре отмечается праздник этих цветов. Они олицетворяют счастье и долголетие (надеюсь, что именно последнее мне

и понадобится). Стоим, молчим, друг на друга не смотрим, глядим в окно, там море шумит о чём-то своём, и мы стесняемся открыть свои тайны. Прилетела со мной… а я боюсь спугнуть то, что спустилось к нам, вдруг улетит, боюсь не то, что коснуться, – слово сказать. Оно стало далёким и неподъёмным, как со дна этого моря. Странно, с моим-то опытом. Волны бегут, вырастают у берега и с шумом набрасываются на него, спешат смыть захваченную с собой «пену дней». Как много накопилось ненужных встреч – за один раз не убрать. Стараются унести всё в глубину прошлых лет. Не задумывался раньше, сколько там было никчемного.

– Волны всегда торопятся, потому что одиноки, – говорю я о себе, – одиночество в толпе.

– И всегда опаздывают. Когда одна приходит на берег, другой уже нет, – поворачивается ко мне, в глазах вопрос. Тянутся секунды, я не решаюсь, и она продолжает.

– Никогда не поздно уйти из толпы. Следуй за своей мечтой, – потом вспомнил, что так, кажется, советовал Бернарда Шоу. Как он вовремя.

Электричество разряжается, руки сами касаются любимых плеч, ожидание на лице меняет улыбка – разрешение сделать шаг навстречу. Сколько я его ждал? Обнимаю свою мечту, её губы открылись и потянулись к моим. Не слышу больше волн, не вижу солнца, исчезло всё, кроме любимой. Свершилось чудо. Успел шепнуть на ушко нашу тайну: «Мы всегда будем вместе» – надеясь, что она скоро раскроется.

Ночь оказалась короткой, точнее, её не было, в обычном понимании. Я медленно погрузился в нежность рук, нежность губ, во что-то божественное, и там остался. Ирочкино обаяние поглотило меня целиком. Рассвет подарил удивительное спокойствие, будто раньше его никогда не хватало, а я ждал и ждал. Не утра – спокойствия. Всё, что подспудно хотел, пришло само. Почему такое ощущение? Да потому что её глаза светятся праздником, в жизни ничего другого больше и не нужно. Не напрасно в исламе считают, что через любовь к женщине мужчина познает Самого Бога.

Рядом с гостиницей расположилось кафе, на задней стенке нарисован камин, он предлагает странный здесь уют, на юг приезжают за другим отдыхом. Подальше

от входа сидит пара, видно, что приехали как раз для этого и скоро им расставаться, грустные глаза и улыбка улетела, как птица из клетки, насовсем. Даже бармен напоминает набитый мешок, прислонился к стойке, воротник рубашки завязал шнурком – готов к отправке. «Зимой, когда дует ветер, хочется тепла», – читает он мою мысль. Не зря между бутылками лежит захватанный «Инспектор Морс» Декстера. «Увлекаетесь детективами?» – «В жизни не хватает». Начинаем с кофе. Ира без него не обходится. Вот ведь, даже кофе сейчас самый вкусный и крепкий. С этого времени так и будет, когда мы вместе. Она наслаждается, надеюсь, что не только кофе. «Кофе, кофе», – разубеждает меня за спиной тенор бармена. Типун тебе на язык. Кому он доказывает? Оглядываюсь – по телефону, заказ делает. Слава богу, я ведь помянул имя Господа не всуе. Любовь – его начало.

Просим кофе ещё раз, для бодрости. Пока заваривают, за соседним столом нервничает абхазец, ему нужно куда-то лететь, он боится и оправдывает подруге свои опасения случаем из тридцатых годов.

В газете «Гудок» работали Ильф и Петров, Булгаков и Паустовский, да и много кто ещё. Проводили они товарища на самолёт, в смысле выпили с ним в редакции. На следующий день он появился слегка помятый.

– Что случилось?

– Упали.

– И что будешь делать?

– Как что? Завтра лечу, не могут самолёты подряд падать.

– Езжай поездом, надёжнее будет.

Не послушался, улетел. Возвращается через два дня перевязанный.

– Что опять?

– Снаряд в одну воронку – дважды.

Так вот, с тех пор он никогда больше не летал.

Подруга стучит по столу: «Тьфу-тьфу-тьфу, боишься летать? Не психуй, иди на поезд». Бармен – оптимист: «Я бы полетел». Ставит нам дымящиеся чашки и спрашивает меня: «А как вы?»

– Наверное, полетел бы.

С каким чувством смотрит на меня Ира не пойму, с одобрением или с опаской. Выяснять не стал.

Рынок чистенький, многообразная, вкусная снедь разложена аккуратными горками на прилавках, редкие покупатели, среди продавцов выделяются гортанные голоса с характерным акцентом: «Гамарджоба, генацвале!» В пряном воздухе от фруктов и цветов подобным образом выделяются гигантские шары хризантем с расцветками на любой вкус и чуть терпким запахом. С одной стороны, он подаёт надежду, а с другой – горьковатый привкус разочарования, предупреждения. Понимай как хочешь. Так и люди бывают красивые со стороны, а познакомишься – горечь. В Греции хризантемы – символ скорби и печали. Понятно, когда люди уходят и цветы осыпаются, то остаётся боль. На востоке, наоборот, хризантемы – символ всего хорошего, но мы-то православные. Сейчас цветы стоят на подоконнике большущим букетом. Запах обалденный, смешанный с морским. «Это пахнут не водоросли, а дали за горизонтом, – как будто Ира читает мои мысли, – они во все времена притягивали неизведанностью, манили и давали надежду, подобно хризантемам. Как часто она оборачивалась горькой стороной. Но что там на самом деле, всё равно хочет знать каждый».

А горизонт вот он, из окна виден. Теперь нашего окна, наш горизонт. Что там ждёт? Незаметно прошёл день. Мы были заняты друг другом. Вечером волны продолжают шуршать под окном, теперь уже приглашают с собой, как делает осторожный влюблённый, – шёпотом.

Ощущение полной беззаботности. Прошлое осталось где-то далеко-далеко, и нет его. Только мы вдвоём. Время остановилось. Смотрим друг на друга и улыбаемся. Со стороны не всегда видно – улыбка сидит внутри, ей там уютно, и с этих пор она не уходит. Удивительное блаженство. Вокруг всё чего-то ждёт и кажется, что вот-вот вместе с нами сделает вдох. У закатного солнца

удивлённое лицо. Оно чувствует себя лишним и торопится отдать нам последнее тепло. Душа, как цветок, в нём нуждается. Когда души вместе – они раскрываются.

– Слышишь музыку?

– Что-то прекрасное.

– Она в душе.

Любить – заставить всё звучать,

Мелодией с душою слиться,

В ладони звуки нежно взять,

В волшебных нотах раствориться,

Богов священный дар принять

И возвратиться синей птицей.

Птица прилетела к нам. Любовался тем, что нравилось, и раньше. Но по-другому. Изменился сам, вместе со мной изменилось всё. Понимаешь вечные истины. Приходит любовь и дарит наслаждение простыми вещами. Мир стал красивым.

Осознаёшь, что такое счастье. В прикосновении и во взгляде, в слове и в молчании, в чистом небе и тёплом море, в чашечке кофе и в каждом цветке хризантемы – его так много, что, кажется, передаётся другим. Бармен приносит, мы не заказывали, в маленьких чашечках кофе покрепче: «За счёт заведения». Постоянные посетители просто здоровались, а теперь стали удивительно приветливы. Это не просто дружеское отношение, а заново возникший, общий мир. В нём мы для них источник радости. Мир стал светлым. Не зря в имени Эйрена заключено магическое, высшая сила.

Купаться ездим на мыс, там почище и людей поменьше. Никогда не замечал, что море может быть таким ласковым. Причина одна – мы вместе. Барахтаемся недалеко от берега, уплывать далеко не хочется, просто наслаждаемся друг другом, прилетели чтобы быть вдвоём, а не с дельфинами. Не известно, что у них на уме. Видно, как они невдалеке выпрыгивают, подходят ближе и ближе.

На мелководье есть свои «дельфины», явно не афалины, скорее белобочки, и отличаются они от настоящих московской наглостью. На Иру везде обращают внимание, эти пристают с предложениями обучить плавать: «Вы так не научитесь, давайте поможем» – заметно, что они моложе меня. Выпендриваются, норовят вызвать её интерес, один «учитель» показывает на приятеле, как нужно плавать и поддерживать, когда учишь. Видимо, так истолковали нашу возню. Известно – каждый толкует в свою пользу.

Сегодня заштормило, волны большие, даже слишком. Спасатели прошли вдоль берега, на всякий случай предупредили, хотя никто в воду не лезет: «Не купайтесь!» – выполнили свою работу (правда, её ещё не было) и исчезли. Москвич, который предлагал научить плавать, решил, что ему-то можно, посмотрел презрительно на меня – с этого нечего взять. Затем снизошёл: «Учись, как нужно» – и демонстративно зашагал в отходящей волне. Подкатилась новая, до пояса, он повернулся боком, потоптался, но устоял, победно оглянулся, помахал своим и двинулся дальше. Но за ней поднялась следующая, непомерно высокая, он сразу стал маленьким, повернулся бежать на берег – предыдущая волна отходит, тянет в море. Он помогает себе обеими руками, гребёт изо всех сил, – бесполезно, видит, что не успеет и стал вопить: «А-а-а», – но недолго. Волна подошла и накрыла. Через несколько секунд над несущимся бурным потоком показался мусор – две высунувшиеся до колена ноги, они подыгрались, подыгрались и пропали. Его приятели бросились к берегу. Я кричу: «Возьмитесь за руки!» – на всякий случай тоже поднимаюсь. Встали они цепочкой, с трудом, но слава богу, выловили беспомощное тело. Сели утешать всхлипывающего со страху «учителя». В театре актёры после представления сами снимают маски, у этого сняла волна. Под напыщенной физиономией оказалась жалкая рожа.

Неистребима мужская потребность – похвастаться. В детстве без неё никуда, я что, почувствовал себя юношей? Захотелось выступить перед Ирочкой, она же меня не знает. Но это не партия в теннис, где заведомо должен был выиграть. Здесь «соперникам» нос утереть не просто. Сомневаться в себе не стал, выбрал волну поменьше, когда она стала разваливаться, бросил Ире: «Посиди» – и понёсся, чтобы не успела удержать. Некстати вспомнился неандерталец. С каким интересно чувством смотрели москвичи, как не умеющий плавать, во всю прыть, прыжками (в воде так быстрее) гонится за отходящей волной, дальше и дальше.

Поднырнул под следующую, потом ещё раз и ещё, немного отплыл. Пытаюсь с гребня помахать, но волна закручивается, нужно успеть опять нырнуть.

Мелькнёт верхушка деревьев и пропадёт в буруне. Не поздно ли дошло, что, может быть, не стоило лезть и лучше, пожалуй, вернуться. Выбрал благоприятную волну, с ней удалось приблизиться к самому берегу, но не тут-то было. Она выросла до непозволительных размеров, пришлось улепётывать в глубину, не то закрутит и… привет. В смысле, «привет» могу уже и не сказать. Единственное что успел – увидеть на берегу рядом с Ирой двоих людей. Они, похоже, следят за моими попытками выйти. И я поторопился, но напрасно, вот уж где нельзя, и во второй раз мои усилия были плачевнее. Не успел вовремя уйти вниз, буруном меня зацепило и придавило ко дну. В таком море отвлекаться некогда. На четвёртый или пятый раз, не до счёта, получилось оседлать подходящую волну, доехать на ней до берега и самому выбраться. Двое оказались спасателями, у них наготове тонкий канат с поплавком. Не вязать, надеюсь, меня, а вытаскивать.

– С ума сошёл! Посадим, будешь знать.

– Вдвоём и в отдельный номер.

Оттаяли, посмеялись. Отговорился тем, что пригласил поужинать. У Иры глаза мокрые, молчит. Кому нужны мои дурацкие оправдания? Пришлось идти вечером в кафе. Привычка, конечно, неудобная – отвечать за данное слово. Она обременительная, но полезная – сеешь семена порядочности. Расстались приятелями. Через день море угомонилось, сидим с Ирой на банке (в лодке скамья так называется) у спасателей, идём (катерочек не плавает, а ходит) осматривать достопримечательности. Она изучает петлю на тросе, поясняю: «Беседочный узел, умели вязать ещё финикийцы. Незамысловатый, как видишь, но заключает в себе главное, то, для чего и завязывается, – петля никогда не затянется, как бы сильно не тянули, а развязать, если захочешь, – просто, достаточно дёрнуть за этот конец. Ты меня к себе так привязала». Ира замечает «пловцов» на новом месте, зрение хорошее, меня же увидела.

– Хвастаться нечем стало.

– Что вы, на них уже жаловались. Хорошо тем, у кого есть свой спасатель, – рулевой глянул на меня, – с такой фигурой.

– А это что за оболтусы? – взглядом показывает Ира на два дома, вылезшие, чтобы испортить красоту зелёного холма.

– Московские.

Не могу не сказать, что первое наше утро обрадовало, а вот вечер, не вечер, конечно, а я, – разочаровал. Что случилось? Обещал подарить Луну и не выполнил первое же обещание, а хвастался, хвастался – неандерталец. Почему? Луны просто не было. Не догадался посмотреть в календарь! Объясняю, оправдываюсь, что вот мол, из-за меня задержались, кто-то опередил. Пусть ему будет удача. Мне придётся ждать следующую. Зато месяц легче довезти, он вырастет и будет у тебя своя Луна с самого рождения. Смешно, но неприятный осадок остался (у одного меня?)

Требовательный стук в дверь, заходит горничная:

– Извините, если помешала, завтра у вас последний день, – вот те раз, неужели?

А я не успел сказал высоких слов, правда, раньше обходился без них. Прожил долго, но как-то не научился, может быть, причины не было. А сейчас? Гляжу на море, на наш горизонт, принесли оттуда грустную весть. Подходит Ира, прижимается к спине, дышит мне в затылок, и – чайки уже летают не сами по себе, а друг за другом с любовью. Нежные руки поворачивают меня к себе. Сколько в её взгляде тоски.

– Мне нужно смотреть в твои глаза, тогда становится спокойно и радостно, ни о чём не хочется думать, и не нужно… почему-то кажется, что всё это сохранится. Никогда со мной такого не было. Боюсь одного – вдруг не смогу посмотреть.

Нежданное, всегда ожидаемое, закончилось? Нет – началось. Стоим у окна обнявшись. Море спокойное, берег чистый, всё улеглось на свои места. Жизнь стала другой, словно в театре открыли занавес, и оказалось, что, на самом деле, мир прекрасен. Непонятно в нём только одно – как мы могли жить раньше? Не иначе, это Бог послал запоздалый дар – возможность сделать счастливым одного человека. И не забыл дать этого человека, спасибо ему.

– Что ты хочешь напоследок?

– Посидеть у камина, знаешь почему он там нарисован?

– Теперь понял – тепло должно быть всегда, а огонь – внутри.

Возвращаемся мы в «пену дней». В самолёте и в такси разговоры ни о чём, точнее, обо всём, кроме того, как жить дальше. Готовая сцена для комедийного фильма. Он хвастался, что всё может, какой он весь из себя. Дошло до дела, и привести любимую девушку некуда. Напрашиваться к ней не хочет, видите ли, может показаться меркантильным, а там ещё мама, и неизвестно, как отнесётся. Она, тем более молчит, вдруг он скажет «спасибо за отдых и… до свидания».

Разумеется, это я должен предлагать:

– Тебе в Гомеле приходилось бывать? – мой вопрос её озадачивает.

– Это обязательно? – и такое в голосе отчаяние, что я, сомневающийся сам, поставил на переезде крест. А там была бы Ира старшим преподавателем на моей кафедре.

Отвожу её домой, благо адрес знаю и подъезд. Этаж не знаю, но лифта нет. Взялся отнести её сумку, поднимаемся. Открывает женщина, близкого к моему возраста, приятная:

– Здравствуй Борис.

В институте ничего не меняем, да и не хотим делать событие. Первому, кому говорю, – тёзке. Он, в буквальном смысле, – он, без семьи, переехал поближе к институту, в смысле, к девушке. Тут не известно, чем всё обернётся. У меня – известно, но не знаю «когда». Боюсь вернуться домой. Сказал жене – по телефону. Стоять и смотреть глаза в глаза, как её наполнятся горем, как польются слёзы, содрогнутся плечи, и рыдания невозможно будет остановить. И всё из-за меня. Попытаюсь утешить – будет ещё хуже. Наверное, я даже останусь на какое-то время, но так будет повторяться каждый день, ведь жить я с ней не смогу. Плохо будет всем.

На работе нас с Ирой чаще видят вместе, иногда, начиная с утреннего кафе. Поклонников у неё много, словно волн в штормовом море, накатываются, молодые, симпатичные:

– Почему Ира с тобой ходит? Она молодая, красивая, – намекают на мой возраст.

– Ребята, во-первых, она – умная. Это нас и объединило, а с вами, именно на этой почве, единства не получилось.

У нас получилось. Ирина подруга, Люба, сказала, что это она подтолкнула случай. В своё время у неё была проблема – боялась читать лекции в институте повышения квалификации. Ира сама читала и её уговаривала, убеждала, затащила послушать на свои, в итоге – та согласилась. Она и поведала о своём убеждении. Стоит Ира за дверью на лестнице-курилке, был такой уголок, дрожит. «Что случилось?» Отговаривалась, отговаривалась, открылась – Борис пригласил слетать к морю. Голова программиста рисует алгоритм: «Что – если – тогда». Душа зачёркивает: «Хочу – боюсь». Подруга убеждала битый час: «Ты свободная, что мешает проверить, попробовать. Если что не так, тогда и будешь думать».

После возвращения на Любин вопрос «как?» Ира без слов подняла вверх большой палец. – Во всём? – Во всём!

Адик сомневается в прочности наших отношений:

– У тебя же, говорят, девушки есть. Что будешь делать?

– Наоборот.

– Что наоборот?

– Не буду ничего делать. Сегодня, например, не пойду играть в волейбол.

С этого времени можно выбирать страницы из нашей повести, внезапно подаренной судьбой. Почему-то мы оба уверены, что иначе и быть не могло. Пусть встреча задержалась, ничего с этим не поделаешь, но всё что было прежде, стало совсем неважным. История наша долгая или короткая, как считать. Для нас – короткая, потому что её можно описать одним словом – любовь. Никто, думаю, не будет спорить, что без любви и жизни настоящей нет.

Человек приходит на Землю, чтобы любить. В Эдеме живут двое и горизонт у него – влюблённость, влюблённость той, только что начавшейся любви. Горизонт, за который ушёл неандерталец. До этого горизонта, как теперь известно, не дойти. Мы идём, за ним открывается следующий, такой же горизонт любви, он не меняется. И так до конца, не горизонта – жизни. Потому что не замечаешь и не знаешь сколько времени шли, оно остановилось.

Если пройдёт любовь, останется привычка – исчезает и горизонт. Идти некуда и, главное, – не за чем. Время побежит. Не догонишь. Каждая женщина мечтает, чтобы ради неё совершались подвиги. Хотя бы… дарили Луну. Художественная литература держится на любви. Да и Библия, по сути, тоже книга о любви.

Настоящее счастье – когда даришь. В любви ты даришь себя. Подарок ждут, как ждут чуда. Хочется сказать каждому: «Посмотри на себя». Не в зеркало в ванной, когда бреешься, и не в зеркало в коридоре, когда прихорашиваешься. А в зеркало жизни. Посмотри внимательно, и не глазами – сердцем. Радует ли твой подарок того, с кем живёшь? Подарок парадоксальный. Чем больше ты отдаёшь, тем больше остаётся. Закон сохранения не действует на возвышенную материю – любовь. Это замечательно! Но не каждый замечает, а напрасно. Отдавая, становишься богаче. Если, конечно, есть что отдавать, без этого «что» у любимой нет жизни – ты для неё всё. Тебя нет – ничего нет. Любовь, как воздух, ты спешишь к любимой, чтобы она могла дышать. Когда она просыпается и тянет к тебе руки, она тянет их к своему счастью. Цветаева знает:

Жизнь: распахнутая радость

Поздороваться с утра

* * *

Радость – это прекрасно, но должно быть место, где утром можно поздороваться. Ира с мамой вдвоём жили в трёхкомнатной квартирке, но такой маленькой, что втроём не разойтись, есть на кухне нужно по очереди.

Они поменяли на двухкомнатную побольше, но район похуже. На самом деле, неважно, где жить, главное – на что мы свою жизнь тратим. Что может принести ещё не разведённый мужчина в новую семью – любовь.

– По закону ты можешь забрать свою долю в прежней квартире – советуют приятели.

– По Библии – «Не желай дома ближнего твоего», и – по совести. Мы себе сможем купить, не сразу, конечно, а там этой возможности теперь нет.

Ира готовила на кухне закуску:

– Борис знает, что я не поеду в такую квартиру.

– А если бы жена ушла? – допытываются приятели.

– Ей бы оставил. Кто виноват, что ушла?

В новую квартиру нужно пригласить старых знакомых. Ходим с Ирой по книжной ярмарке. Перебираем книги, перебираем, где они добрые друзья? В магазине их нет и тут не видно, как вдруг они сами заговорили тем самым, ушедшим слогом, мы даже опешили. Оглядываемся, пара, он и она, подчёркнуто аккуратно одеты, внешне обычные, но вот язык. «Простите, вы откуда?» – «Из Гётеборга». И рассеивают наше недоумение: «Мы русским языком занимаемся». По лицам видно, что они тут давненько, притомились, Ира предлагает фику (вы знаете, что это такое? Я – нет), шведы соглашаются, значит, что-то приятное. Как она умудряется запоминать всякие мелочи? На самом деле, никогда не угадаешь, что может пригодиться. Идём, как оказалось, пить кофе. Перед этим заглянули в туалет, на входе реклама туалетной бумаги; реклама есть, бумаги нет. Швед смеётся: «Теперь реклама будет преследовать вас везде и всегда, начиная от противозачаточных средств и заканчивая ритуальными услугами. Она есть, когда нас ещё нет, и останется, когда нас уже не будет».

Для фики обязательны булочки с корицей, Ира, кстати, их любит. Она напоминает, что в Швеции с малознакомыми людьми начинают разговор с погоды тем более, что сегодня она пакостная. Шведы соглашаются:

– Когда у нас летом солнце, то с работы отпрашиваемся позагорать.

– Если чего-то много, то и наименований для этого должно быть много. В эскимосских языках пятьдесят названий снега. У нас для дождливой погоды

можно бы придумать не меньше. Не говорим же мы про сегодняшнюю «хоть плачь», что небо и делает.

Глядя на пустые чашки, шведы сожалеют, что им нужно уходить, а не хочется, наконец-то встретили близких людей. Ира предлагает: «Хотите посмотреть, как живут «старые» русские?» – «С удовольствием. Нас тут всё зазывают новые, похвастаться, наверное, своими квартирами, но нам это даже не смешно».

Первые иностранцы у нас дома, интересно. Мне ещё интересно посмотреть на Иру чужими глазами, тем более – иностранными. Первый, общий вопрос, – как накрыть стол? Ирина мама, сказать «тёща» у меня язык не поворачивается, когда мы с ней вдвоём в магазине, то продавщица в ответ на комплимент непременно заметит: «Какая у вас жена симпатичная». Друзья тоже завидовали: «Даже тёща у тебя – просто клад, таких не встречали». Так вот, Ирина мама предлагает:

– Если хотим накормить исконно русским – то кислыми щами.

– Шведы, вроде бы, нормальные люди, – соглашаюсь я, – могут и напиться, останутся ночевать – положим на пол (места-то больше нет), а утром, с похмелья, лучшего лекарства не бывает.

Остановились в итоге на пельменях. Ира закупила мясо: говядину, свинину, баранину, кучу специй. В деревянном корытце это тщательно нарубили, точнее, нарубил. Тесто, конечно, своё, разминали и раскатывали до тонкого листа, на просвет. Тогда и получится цимес. Мама за работой мне рассказывает, что Ира с отличием окончила школу, занималась во дворце пионеров живописью. А когда училась, читала – не оторвать, не знали: огорчаться или радоваться. Приходилось вставать по ночам и выключать свет – не возражала. Но что-то меня смутило. Захожу тихонько ночью, укутана, причём вся, спит, наверное. Приподнимаю край одеяла – открытая книга и светит фонариком.

– Дай до самого главного дочитать.

– Вот откуда в своей «книге жизни», она к самому главному и стремится.

Закончили под утро довольные – наготовили пельменей дня на четыре, не меньше.

Вечером открываем дверь вдвоём с Ирой и выходим из коридорчика, для четверых места нет.

– Тесновато, – сочувствует швед.

– Зато посмотри сколько книг, – восхищается жена.

Стеллаж делал я сам, он от пола до потолка и во всю длину комнаты.

– Вы это всё прочитали?

– Дело не в том, сколько прочёл, – отвечает Ира, – а в том, что если ты это понял и принял, то книги подбираются не по цвету обоев, и друзья – не те, кто любой ценой делает деньги.

– Отличный будет тост, – соглашается швед.

Берёт книгу Линдгрен «Малыш и Карлсон» и указывает на табличку «Можно брать».

– Первый раз вижу, каким образом можно показать, что мы дома, совсем по-шведски – вешать таблички с разрешением, у нас к этому щепетильно относятся.

Смотрит иллюстрации: «Хороший малыш».

– В русской литературе нет таких ярких детских героев, разве что у Успенского, – говорит Ира, – в этом, возможно, одна из причин, почему Швеция первой в мире приняла закон, запрещающий физическое наказание детей.

За столом их поразил зелёный лук.

– Откуда у вас? Только что с грядки.

– Соседи дали, они нас уважают: «Вы ещё протестовать ходите». Были они умеренными диссидентами, один раз на демонстрации им влетело – бросили это дело. Перешли в алкоголики и наверстали энтузиазм. Запили, но теперь тихо.

В одной из двух комнат застелили паркет полиэтиленовой плёнкой, насыпали земли и посадили лук, на закуску. Плантация несбывшихся надежд, такая же горькая.

Дошла очередь до пельменей, и шведы застыли: «Никогда таких не пробовали!»

– Откажешься? – спрашивает швед у жены. Ира стоит с черпалкой – добавлять или нет.

А он смеётся:

– Жена хотела стать вегетарианкой, но после ваших пельменей, кажется, передумала.

– С отказом никогда не нужно спешить, чтобы потом не жалеть, – обобщает Ира.

К полуночи наш расчёт шведы опровергли – пельменей след простыл: «Запишите рецепт».

– Засиделись, – смотрят они на часы, – пора и честь знать. Мы с вами первый раз, а будто давно знакомы.

Я подаю даме пальто, швед целует ручку Ире: «Это от вас в доме тепло».

Через неделю они устроили у нас шведский стол, но не стоя. Привезли из Стокгольма даже хлеб. Впервые увидели мы зелень в горшочках, а была зима. Больше десятка банок селёдки различных способов приготовления – национальное блюдо. На одной читают: сюрстрёмминг. Ира обрадовалась: «Давно хотела попробовать». Заставила всех одеться, выйти на улицу и открыть там. Не зря… пахнет, скорее – воняет, из квартиры бы не выветрилось, но, пообвыкнув, можно есть. У нас сказали бы «Селёдка давно протухла». Шведский Абсолют это дело сгладил, «за дружбу» – первый тост. Узнав о моём не первом браке, одобрили: «Бергман много раз женат». Вспомнили о Бернадоте, когда вместе воевали против Наполеона. «Ваш Нобель устроил динамитом революцию во взрывном деле, – смеётся Ирина, – а наш посол, Коллонтай, личным примером взорвала отношения между полами. Революция освобождает всех и от всего».

Наш первый новый год, первое января. Ближе к вечеру, привычно уже тёмное окно стало светлым – пошёл снег, повалил. Одел деревья, оштукатурил соседний дом, требовавший ремонта. Дождался. Я ждал дольше. Убеждён, что «ремонт» у меня – у нас, конечно, закончен и вышло на зависть. Вокруг всё сделалось белым. Рассеялся свет фонарей в поисках тёмного – нечего не нашёл.
На вопросительный Ирин взгляд, я, после секундного замешательства, согласно киваю. Пока соображал, что накинуть на себя, она уже оделась. Первый раз опередила. Приятный повод, чтобы обнять и посмеяться, над собой.

Ветра нет. Медленно-медленно опускаются большие, пушистые хлопья. Сказка! В окне женщина кому-то машет, появляется рядом силуэт и исчезает. Она остаётся. Смотрит на снег и на нас. Из других окон тоже выглядывают, хотят посмотреть на сказку, мы – в неё войти.

Ира подставляет руки, снежинки собираются на ладонях. Присоединяю свои, сердце замирает. На ладонях снег, а рукам тепло – мы в нашей сказке. Снег пошёл гуще, поглотил звуки с улицы, белое полотно накрыло сначала соседний дом, потом женщину в окне. Исчезло всё, остались Ирины глаза и в них любовь.

– Снежинки – мгновения, отпущенные сверху. Чем мы их наполним?

– Счастьем.

Перестройка

Изменения нашей жизни совпали с переменами в стране. Не очень-то они от нас зависели, но мы в них приняли участие с удвоенной энергией (нас теперь двое).

– Скажите, долго ждать перемен к лучшему?

– Если ждать, то долго.

Мы не ждали. Это сейчас кто-то с тоской вспоминает застойные годы, но почему-то забывает, что тогда вначале занимали очередь, а потом спрашивали: «Что дают?»

Виктор Рассадин, приятель по Академгородку, экономист, переехал в Москву заниматься конверсией – если быстро не перейдём на гражданские рельсы, то не туда уедем. Решал он эти задачи и для ленинградского завода «Арсенал». Там уже появились персональные компьютеры, новое для страны направление, и мы ставили им программное обеспечение. Познакомил нас с Игорем, одним из руководителей завода. Игорь – спортивный, статный, не по сравнению с Виктором, а на самом деле. Во времена большого скачка СССР его портрет разместили бы в газете на первой полосе – передовик производства, ответственный руководитель. Девушки бы вздохнули, вырезали и положили у себя на столик, перед кроватью. Виктор, со своей стороны, из спортивных упражнений проделывал одно, зато успешно – поднятие тяжестей одной рукой. Успешность заключалась в том, что практически всегда соблюдалась мера, за этим следил Игорь, когда были вместе. А вместе они с детства, учились в одной школе в Краснодаре, в Ленинграде – в разных вузах, но когда видишься не каждый день, то дружба от этого только крепче.

Приняли они нас с Ирой в свою компанию, отношения близких по духу людей быстро становятся дружескими, особенно после совместных мероприятий. Проводили мы их на кухне, в скромной квартире Игоря, где уклад жизни состоит не в том, чтобы брать, а наоборот – давать. За столом видно, что в детстве его приучили не черпать из общей миски полной ложкой. Вечера завершались одинаково. Он прилично пел, брал гитару, Ира садилась рядом, и начинали мы с песни Александра Дольского «Сентябрь».

А если бы жизни кривая

Легла на ладонь, словно путь,

Я смог бы, глаза закрывая,

В грядущее заглянуть.

Нет, лучше, пожалуй, не надо –

И так не в ладах я с судьбой.

Известны исходы парадов,

А чем же закончится бой?

Наш институт утратил значение для города и стал разваливаться. В дополнение к основной работе мы сделали фирмочку и сели на насколько стульев. Один

находился в таком месте, что ему не грех завидовать, что гости и делали. Выбрали мы его специально поближе к памятнику главному перестройщику России – Петру Первому, в особняке Паскевича, на Неве. Сюда, в рыцарский зал, водили экскурсии.

Генеральный директор, известный в Европе архитектор, сидит в просторном кабинете, за дубовым столом. Мебель здесь такая, что декор требует отправить её на выставку. Мы с Ирой скромно присели напротив, руки на коленях – неудобно облокачиваться на предмет искусства. В таком помещении стыдно жаловаться, но генерального, видимо, уже достало и говорит он, наверное, это всем:

– Плачевна судьба исторического центра, дожили – разваливается. Есть хорошие проекты, денег у города нет, – (мы-то где возьмём?)

– У нас с этим не лучше, чем помочь – подумаем.

Нам не дали даже подумать.

19 августа 1991 г.

Если судить по газетам и телевидению, то в стране тихо-мирно, Горбачёв на заслуженном отдыхе в Крыму, у нас свои планы на отдых, он не заработан, в отличие от упомянутого. И вдруг – ГКЧП захватил власть, думает вернуть страну в прошлое (думает – неподходящее для них слово, хочет – правильнее). Наши знакомые, про других не знаем, возмущены, все разговоры сводятся к тому, что на город идёт бронетехника Псковской десантной дивизии. На улицах, ведущих к Исаакиевской площади, строят баррикады. Объявлена запись добровольцев. Вечером Ленинградское телевидение в прямом эфире передаёт обращение мэра. Он призывает горожан выразить свой протест, выйти завтра на Дворцовую площадь, на митинг против путча, начало в 10 часов. Уличные собрания запрещены. Ира говорит: «Пойдём».

20 августа 1991 г.

Утром собрался быстро, чтобы у неё не было такой возможности, но она меня задерживает: «Подожди, я с тобой». Разве можно объяснять, почему не беру, пытаюсь обратить в шутку:

– Женщина – это щит. Сейчас нужен меч, к тому же, ты знаешь – я быстро бегаю. (Правда, это не понадобится – там нужно будет стоять, до конца).

Не пускает одного, и всё тут. Выручила мама – оттащила Иру в комнату.

В центр подвозит частник, по пути берёт ещё одного, от денег отказывается: «Считайте, что я с вами». Дворцовая площадь быстро заполняется. Выступают ораторы (слово-то как к месту легло!) Из окон здания штаба Гвардейского корпуса (кто не знает, они выходят на площадь) высовывались курсанты, приветственно махали, потом они растянули транспарант «Ленинградцы, мы с вами». Его встретили аплодисментами. Через несколько минут показались офицеры, свернули лозунг, закрыли окна. Гул разочарования. Ждём танки. Рядом Сенатская площадь, зимой 1825 года на ней также стояли декабристы. Переглядываемся – уйдёт кто-нибудь? Наоборот – подтягиваются ещё. Но, вообще-то, город насчитывает миллионов пять, на праздничной демонстрации Невский заполнен несколько часов. А сейчас, что – остальным всё равно? Но ведь это их будущее. Как запряжешь, так и поедешь, они даже запрягать не хотят. Отбили охоту? Сегодня есть возможность сказать своё слово – скажите. Завтра не дадут. Вот где не достаёт количества, а качество у пришедших есть. Выступает Марина Салье, академик Дмитрий Лихачев, политики, Александр Дольский. Напряжение растёт, растёт. Меняются ораторы. Уверенные голоса выступающих, твёрдый взгляд у слушающих. Ждём не один час.

Дождались… сообщения: «Бронетехника остановлена». Кто-то кричит «Ура», кто-то обнимается. Родные лица, все стали близкими друзьями. Овацией встретили первого избранного мэра, Анатолия Собчака. Домой частник вёз бесплатно, всю дорогу мы что делали – смеялись над путчистами.

Вернулись мы к размышлениям не о потерянном отпуске, а к тому, о чём обещали подумать – о финансировании проектов. В том числе и своих. Денег не было не только у нас, но и у организаций, взаиморасчёты проводились бартером. Я помогал в сделке хорошим знакомым, летал для них с превеликим удовольствием в Тегеран. Расплатились они с нами четырьмя машинами Лада. Одну мы оставили себе, две отдали нашим сотрудникам, четвёртую решили подарить Виктору. Звоню ему, слышу ожидаемую реакцию.

– Не возьму! У самих денег вечно нет, – возмущается голос из Москвы, – живёте в коморке. И потом – за что?

– С друзьями делятся болью и радостью. Сейчас время коммерческое, поделимся доходом.

Удивительно, но оказалось, что можем хотя бы попытаться помочь с финансированием. Виктор, помимо основной работы в Академии наук, эксперт у Константина Борового, президента биржи РТСБ. Созваниваемся (с Виктором, не с Боровым же, объясняем, просим. Через несколько дней сообщает, что Боровой ждёт, но ничего не обещает. Едем с Ирой за удачей в Москву.

Секретарь проводит нас в кабинет, Боровой смотрит на часы и предупреждает:

– Мне вскоре идти на сделку, опаздывать совестно.

– Константин Натанович, не ходите на сделку с совестью, идите один, – умеет Ира найти, что сказать.

Глянул на нас с интересом.

– Виктор сказал, что нужна помощь. Откуда прибыли?

– Какие прибыли, что вы, за этим мы и приехали. Не для себя, конечно, для города. Другого такого ведь нет.

Встречаем его на перроне уже в Петербурге (почему «уже» – город сменил название!) Первый раз видим, чтобы один человек ехал в отдельном вагоне. В институт везём его на нашей «Ладе». Охрана сзади, на другой машине. На перекрёстке случайно от них оторвались, Боровой предупреждает: «Наши подумают, что меня похитили». В конце квартала догоняют нас по встречной полосе.

Подписали соглашение об организации акционерной компании по реставрации исторического центра города. Проект, без преувеличения, обещает быть таким, каких ещё не было, – грандиозным. Любое дело можно сдвинуть, если заручишься поддержкой мэра, поэтому нужно показать наши предварительные

документы Собчаку. Генеральный неважно себя чувствует, посылают меня. Тогда было довольно свободно попасть к мэру, особенно по делу, интересному для города. Сижу в кабинете, излагаю вкратце суть предложения. Он кивает, ничего не спрашивает. Заходит секретарь: «Делегация из Германии, вчера у вас были, остался вопрос. Можно?» Просит меня подождать, я что, могу не согласиться? Решает с ними за пару минут, берёт наши планы и начинает немцам рассказывать, какой он задумал потрясающий проект. Немцы хлопают: «Ausgezeichnet …vortrefflich» – хвалят Собчака. Переводчик не успевает: «Прекрасно, превосходно». Рассказываю Ире – смеётся.

Одновременно проходила какая-то важная конференция, банкет на «Авроре», мы получаем приглашение. Первый раз сидим в командирском салоне, на корме, ожидаем начала. Торжественная обстановка, все места заняты, довольный народ собрался решить свои вопросы, да ещё за таким столом. Нетерпеливые разговоры смолкли, как по команде, оборачиваюсь – Собчак. Решительная походка человека, уверенного в себе и в своей власти над временем, капитана, выбравшего верный курс. Он оглядывает подчинённых, поднимается на мостик, не обращая внимания на мелочи. И вдруг, неожиданно для всех разворачивается, делает несколько шагов обратно и останавливается рядом с нами. Я встаю:

– Анатолий Александрович, моя жена Ирина, – двумя словами объясняю, за что она отвечает в проекте.

– Если такие женщины будут отвечать за красоту Петербурга, то уверен, что всё будет без помарок.

Гости соглашаются, надеюсь не из подхалимских соображений. Ира поправляет:

– Анатолий Александрович, без помарок должно быть в некрологе. Это не для города.

Одобрительные поддакивания собравшихся.

– Когда будете готовы, обращайтесь напрямую, в любое время.

– Для получения срочной помощи в выходные, в Израиле рекомендуют обращаться к Богу. А в Питере?

– В Петербурге я вначале уповаю на себя, а уже потом…

– На президента, – спешит поправить Ира.

Тут уже все хотят выразить своё согласия и непременно, чтобы их заметили.

Стол украшен строго и красиво, сообразно флотской обстановке, к тому же вкусно. Тосты за город, правильный путь развития и, конечно, за мэра. Мы до конца сидеть не стали, вышли, с нами ещё пара. В кулуарах они высказывались: «Может быть к коммунизму ещё вернёмся?» У знаменитого орудия смотрим на небо. Ира показывает Полярную звезду.

– В 1917-м на звёзды, указывающие путь, не смотрели, и теперь на ствол пушки, известившей о начале новой эры, можно повесить траурный венок. Знаете анекдот про часы с кукушкой?

– Нет.

– Вместо боя часов выезжает Ленин на броневике и поднимает руку: «Товарищи! Рабочая и крестьянская революция, о необходимости которой всё время говорили большевики… ку-ку!».

Закрутилось, завертелось. Но всё неожиданно оборвалось. Генеральный не без причины себя плохо чувствовал – инфаркт. Похороны. Большому проекту нужно имя. Его не стало, и проекта не стало. Лежат дома подарочные вымпелы с «Авроры» – наш холостой выстрел. Не повезло, не нам – городу. Много нашлось желающих сделать на этом бизнес, полезли, как после хорошего дождя, поганки, достаточно назвать Регент Холл на Владимирском проспекте.

Какое после рюмочных второе, по популярности, место встречи интеллигентных людей – Дом книги. В него упирается Казанский мост, на нём не протолкнуться. Хорошо было Канту, он ходил по проезжей часть дороги: «Проще увернуться от лошади, чем от навязчивого собеседника». Шагаю аккуратно, чтобы не налететь на впередиидущего, как вдруг у самого носа опустили шлагбаум – чья-то рука. Резко останавливаюсь, в спину упёрлось что-то упругое и приятное, тут же ладошки схватились за мою талию (она есть). Приятное отстранилось,

но не сразу, руки остались. «Простите», – это Юра извиняется перед девушкой. Руки убрались, я не оглядываюсь, чтобы не испортить впечатление.

– Я знаю, что Ира хочет, – он по-хозяйски ведёт в магазин, берёт два томика детективов и ведёт дальше, в кафе, на канал Грибоедова. Его длинные ноги уверены в своей правоте, они никуда не спешат. Садимся у окна. Летний день тоже не торопится. С одной стороны блестит купол Казанского собора, с другой ему скромно подсвечивает глобус Зингера. На тротуаре голуби подбирают кусочки булки. Прохожие им не мешают – обходят. За соседним столиком двое своё выпили, доругиваются:

– Ты просто не понимаешь.

– Сам ты не понимаешь.

– Какой у тебя IQ?

– Не проверял.

– Боишься?

Юра ждёт, когда недовольные друг другом уйдут:

– Выпивка сходна с автомобилем, как он – средство передвижения, так и выпивка – средство, средство общения. Иногда – разобщения.

По привычке, Юра не выпускает инициативу: делает заказ официантке и продолжает тему, теперь нашу общую, про Иру.

– О себе лучше самого никто не расскажет. Но к Ире это не относится, не в её характере. Она ведь о себе ничего не говорила? Я исправлю, рука с подчёркнутой значимостью поднимает рюмку, к блеску куполов присоединяется запонка.

В школе я её не замечал, три класса разница. С Ириным кузеном, Сашей, мы не один год ходили вместе на шахматы. Выросли, отмечали какой-то праздник, это могло быть всё, что угодно, например, отъезд его родителей на дачу. Зашёл

спор о кино, тогда спорили яростно. Неожиданно пришла Ира, одна. Она напоминала осаждённую крепость, которая не сдаётся. Лет с четырнадцати у неё был роман с одноклассником, быстрое замужество. Дальше – коммуналка, мужа отчислили из института, после армии он не проявил желания ни учиться дальше, ни толком работать, и мир её возвышенных чувств начал разваливаться. Видимо, отношения испортились. Здесь она отражала нападки Сашиных друзей на фильм, не помню на какой, и привела цитату Фасбиндера. Этим оружием их отбила (кто такой?), а я сумел продолжить цитату, чем её удивил, – надо же, Сашин приятель, а знает Фасбиндера. Дело в том, что зарубежные фильмы шли в единственном кинотеатре – «Спартак», и туда было не попасть. За всем житейским – очередь, но вот чтобы отстоять за билетами на фильм пять-шесть часов, – одних усилий недостаточно.

Мы стали встречаться, разумеется, не часто, у каждого своя жизнь. Моих стихов Ира не любила, что нас связывало – страсть к литературе. Это было бегство от действительности. Мы вспоминали стихи любимых поэтов, обменивались книгами, которые не достать на чёрном рынке даже за большие деньги, которых, конечно, тоже не было. Вместе нам казалось, что жизнь продолжается. Она лучше знала Ахматову, Цветаеву. За чаем, не за вином, устраивали соревнование: один начинал стихотворение какого-нибудь поэта, другой должен был продолжить, или назывался третьестепенный герой серии романов – нужно назвать сюжеты, где он участвовал. Сравнивали сонеты Шекспира, Киплинга в разных переводах. Ире ближе Пастернак, одинаково относились к Маршаку, я считал Финкеля волшебником.

Я не мог понять, как она успевала следить за тем, что выходит? Бориса Виана я, знаток, даже не слышал, а она уже прочитала «Пену дней»! Достала и мне, книга не просто понравилась, а вызвала восторг. И так она во всём.

Как-то сидели в «Сайгоне», тогда он уже стал другим, книгу, что хотели достать, не удалось, разговор не клеился. Дома у Иры тоже, наверное, расклеилось, и я пытался её ободрить (истинно правдой):

– Ты такая красивая и умная – грех унывать.

– Ошибаешься, во-первых – умная, а потом остальное.

– Что поставишь на первое место, так жизнь и сложится.

Неожиданно Юра замолкает, что не свойственно, у стола вырастает Лена:

– Знаю, где искать.

– Хорошо, что не «у кого».

– Моей тёте отвечал по домофону?

Лена здоровается со мной и поясняет: «Юра не очень с ней ладит, был дома один, увидел в окно, что тётка направляется к нам. Подъезд заперт, та звонит по домофону».

– И что, интересно, можно ответить? – удивляюсь я.

– Никого нет дома.

– Как я ей объясню? – возмущается Лена.

– Объяснять можно тому, кто способен понять, – Юра всегда логичен.

Конверсия оборонки – второй большой проект. В Казани находится «Международный фонд Конверсии», отделение в Москве. Почему у нас нет? Столько предприятий, ресурсы, как говорится, не ограничены. О фонде сказали не менее важное – у руководства исторические связи в министерствах. Организовали мы отделение в Питере, Ира занималась логистикой. Загрузили у нас один завод переработкой боеприпасов, средств для расширения производства не хватает. Решение очевидно, Татарстан – это прежде всего – нефть. Подключился к заманчивому ресурсу и фонд. Всё пошло отлично, фонд получил республиканские награды, в питерском офисе принимали даже вице-президента Татарстана Лихачёва.

Темп жизни не позволяет останавливаться. Принимаем с Ирой делегацию из Ирана, ответный визит. Четыре человека, придерживающиеся традиционных ценностей, иначе там быть не может. Любопытен состав. Два специалиста, третий – сын руководителя, четвёртый – из органов, как у нас. Чем удивить людей из страны с многотысячелетней историей? Один из них учился в Сорбонне

и предложил Эрмитаж – дома такого нет. Экскурсовода, сколько мы ни просили, не дали, Ира его вынужденно заменила. Часа два музей терпел озабоченных экскурсантов: красота – посмотреть хочется, а религия не позволяет. В итоге, не особенно задерживались в залах, где преобладает обнажённая натура. По ходу присоединились другие посетители, получилась большая группа, пришлось вести на двух языках, все потом благодарили: как интересно (решили, что специальный маршрут – Ира так строила рассказ). Я попытался представить себя на её месте – не сумел бы, хотя считался знатоком. Мы упросили сделать приятное гостям – открыть Иранские залы (были закрыты): ковры, изделия из серебра и бронзы, керамика, декоративный орнамент. По «Европе» они ходили, а тут, увидели своё, обрадовались, норовили потрогать, забегали и вдруг встали – опять портреты женщин, да ещё в откровенной одеже. Не знают: можно смотреть или отвернуться. Ира сообщает им «новость»: в XVIII и XIX веках, в Тегеране, писать портреты считалось естественным, эволюция страны делает иногда непредсказуемые повороты. Который из Сорбонны добавляет уже нам: «Учтите это в своей перестройке».

В общественной жизни мы тоже не на обочине, в офисе места достаточно, выделили и питерскому отделению партии «Яблоко». Днём обсуждали пути развития страны, вечером зажигали камин. За столом переубеждать некого. Явлинский предлагает нам вступить в их партию. Ира отшучивается:

– Ваша эмблема многозначна. На голову Ньютона упало яблоко – озарение, Адам и Ева откусили – познание. Чем оно для них закончилось? Основоположник теории искусственного интеллекта Алан Тьюринг тоже откусил, а там цианид.

– Будем вместе бороться, чтобы у наших Тьюрингов были другие возможности.

– Спасибо, Григорий Алексеевич, мы подумаем, – и улыбается.

Он тоже:

– Не могу возразить, чтобы вы не думали. В нашей партии это обязательное условие.

Моя семейная жизнь, теперь она стала нашей, тоже наладилась. Сын наконец-то осознал, что паршиво быть балбесом, и после армии решил добить «Бонч».

Стройный, симпатичный, хвастаюсь: «Весь в меня». Поступил на заочное, работает в Перми по специальности, приезжает на сессии. Дочка – в университете, думает об аспирантуре, когда она не в экспедиции, то успевает сходить с Володькой в театр. Мои родители довольны больше всех – наконец-то идёт так, как они рассчитывали.

Ирина приятельница, которую я высматривал у «Европейской», добилась своей цели – выходит замуж за финна. По статистике пьют, в смысле выпивают, итальянцы и французы больше финнов. Это по статистике, а те, кто ездят сюда, они для этого и приезжают.

– Вы к нам за водкой ездите.

– За всем остальным, вы – к нам, – парирует, и справедливо, новобрачный, – я вот ещё за женой.

В сквере, на Петровской набережной Невы, стоит первый домик Петра 1, он поражает простотой до преклонения, его площадь меньше нашей стандартной трёхкомнатной квартирки. Не случайно, наверное, рядом с ним здание ЗАГС, скорее похожее на дворец, то самое «Окно в Европу». Мы с Ирой – свидетели на регистрации. Ставим подписи и едем в Зеленогорск отмечать, финн объясняет, откуда знает русский: «Здесь, в Териоках, у родителей, был дом до войны, сейчас его нет, что осталось – язык».

Необходимую для страны тему продолжили, но убавили свой пыл. Завод «Арсенал» делает спутники серии «Космос». В США для изучения земной коры используют спутники. Почему у нас нет? Ира разыскала нужные контакты, получили от американцев интересное предложение. На заводе довольны: не нужно самим возиться с разработками. Я лечу в Академгородок не только к друзьям выпить, но и в институт геологии и минералогии, показать им новые возможности. Там ухватились двумя руками – давайте быстрее. Подписали письмо у председателя СО АН СССР о необходимости такой аппаратуры. На заводе подготовили документы по установке на наши спутники американской электроники. Пытаемся получить разрешение в министерстве, ездим туда.

3 октября 1993 г. Я в Москве, вечером по телевидению показывают события: Белый дом, толпа штурмует Останкино, разъезжают отряды с оружием, кое-где

стреляют, неспокойно и небезопасно, есть убитые и раненные. По плану должен был ночью уехать, чтобы утром, как обычно, быть дома.

Днём приезжает к нам Игорь: «Где Борис?» – не знаем. Они с Ирой на вокзал, в милицию. Может быть меня задержали (не дай бог, что-то случилось, или лучший вариант – подписали и выпили лишнего). Игорь – уважаемый человек, не дожидаясь трёх дней, стали разыскивать. Повели их в «обезьянник»: решётки, соответствующая публика требует к себе уважения. Не нашли, Ире уже стало плохо. Проверили списки: среди убитых нет, запросили Москву. И там нет. Успокоили – данные ещё не полные. Лучше ей не стало. Вернулись домой – что делать? Игорь ходит на почту, звонит в Москву своим, те не в курсе.

Ближе к вечеру я возвращаюсь – никак было не уехать. Ира лежит, глаза мокрые, рядом сидит мама, пичкает сердечными лекарствами. И тут я, весь в белом:

– Что случилось?

– Обещал приехать утром – там стреляют… а ты вечно лезешь туда, куда не следует… я же знаю.

Получаю от Игоря (на кухне): «Телеграмму почему не дал?! Не о себе пора думать».

В скучную, вернее, в скученную прозу быта добавили нам поэзию. Когда друзья собирались отметить какой-нибудь праздник у нас, то за столом усаживались в два ряда, место не хватало. Фонд сделал подарок – купил в Питере несколько квартир и одну выделил нам. Тянуть с переездом в «новую жизнь» не стали – зачем терпеть неудобства (из второго ряда не дотянуться, чтобы чокнуться рюмками). Диван оставили в старой квартире – не хотим везти с собой прошлую жизнь, первые ночи спали на полу. А первая мебель, купленная нами, – большой стол, места за ним хватит всем.

Через несколько дней звонок в дверь, мы проводили очередных гостей и решили, что они забыли какую-нибудь мелочь, например, поцеловать на прощание. Но на пороге незнакомые люди, здороваемся.

– Простите, вы здесь живёте?

– Да.

– Мы из Новгорода, наша фирма купила в этом доме квартиру, в справке написано, что эту.

Ира приносит наши бумаги (мы ещё не прописались) с тем же номером.

– Извините ещё раз, пойдём разбираться у себя.

Ирина мама слышала разговор, выходит расстроенная:

– Хорошо, что не успели продать нашу.

Следующим утром я сижу в милиции, жду следователя.

– Вы второй из этого дома.

– Что делать?

– Ждите решения суда.

До сих пор мы не знали, кто такой юрист. Познакомились:

– Нужно проверить все ли документы на квартиру в порядке, желательно – быстро. Скорее всего посредническая фирма от строительного треста продала их по нескольку раз, могут быть сложности. Я помогу.

Прошло два дня. В девять часов утра звонок в дверь. Никогда звонок не вызывал дурного предчувствия.

– Простите, вы здесь живёте? – успокаиваюсь. Хорошо, что это очередные пострадавшие (не в смысле «хорошо», что они пострадали, а то, что это не милиция).

– Да.

– У нас документы, – я перебиваю: «В номерах квартир допущены ошибки, обратитесь в фирму, где вам их дали, пусть исправят».

Мама после их ухода не выдерживает:

– На фронте год считали за два, у меня сейчас – за три.

– Зато какая была репетиция новоселья, – находит полезное зерно Ира, – Станиславский пришёл бы в восторг и не один раз кричал бы: «Верю!»

Мошенников арестовали. Ошиблись они, забыв классику, – «жадность фраера сгубила». Но я не о них, а о тех, кого воспитали. Не одному поколению внушали: у нас общие ценности, помогая друг другу мы строим светлое будущее. Дом двенадцатиэтажный, официально ещё не сдан в эксплуатацию, но практически весь заселён. В «нашем будущем» лифт не работает. Чтобы включить его на пару часов для поднятия вещей, нужно найти электрика и оплатить. Можно заплатить сразу за ввод лифта в эксплуатацию. С этим предложением активный сосед обошёл всех: «Давайте жить дружно». Кто поселился внизу, отказались – нам не нужно, мы так поднимем.

Юристу звоню по два раза в день, наконец он – мне:

– Идите в жилищную контору, прописывайтесь.

Квартирные мошенники признались в подлоге, а с оценкой нашей действительности ошибся я. Каким приличным словом её назвать? Выбирал, выбирал, подсказала Ира – «непростая». Мошенников отпустили до суда. Понятно ведь, что они сделают, – уедут за границу. Так и вышло, в итоге суда не было.

Через несколько дней засорилась канализация (связано ли это – не знаю). В подвале лопнула труба. Оттуда пошёл, мягко выражаясь, как и про действительность, запах, нужен срочный ремонт. Сосед обежал всех, чтобы собрать деньги: «У нас же всё общее… в том числе и то, что в подвале». На этот раз отказались верхние – у нас не пахнет.

Ребята из фонда пригласили нас на недельку (не в «Комарово») – на Селигер, но тоже до второго числа: «Отметим наше награждение и ваше новоселье». Пели там песню «На недельку до второго», наслаждались долгожданным отдыхом, общением. Говорили друг другу: «Живи и радуйся». За радость жизни поднимали бокалы. Расстались друзьями.

Конкурентов в борьбе за лакомый ресурс, нефть и её переработку, много, нужно везде успеть. Расстояния большие, выручает вертолёт. Утром звонят, вызывают меня в Казань.

– Сегодня не успею.

– Летим без тебя, но завтра – обязательно.

Беру билет. Поздно вечером приносят телеграмму. Вертолёт с руководством разбился. Лечу уже на похороны.

Возвращаюсь, Ира утыкается в меня со слезами: «Если бы ты был там… я бы не пережила». Утешаю её, а сам думаю: всё равно ведь когда-то я буду «там», а она останется. Причины аварии не установили. «Исторические» связи остались в истории.

Звонит Саша, двоюродный брат Иры, из Израиля, он всегда пытается отвлечь чем-нибудь забавным, сейчас – анекдотом, чёрным юмором. Что бы ни случилось, Изя всегда говорил: «Могло быть ещё хуже». Встречает его Фима. – Ты знаешь, что случилось? – Нет. – Хотел-таки Абрам сделать жене сюрприз и вернулся на день раньше из командировки. – Ну и шо? – Застал Сару в постели с любовником. Убил его, жену и потом себя. – Ужасно… но могло быть хуже. – С ума сошёл! Что может быть хуже? – Если бы он вернулся на два дня раньше, он убил бы меня.

Не повезло и с третьим большим проектом, по космосу, в министерстве не разрешили работать с американцами, мотивируя секретностью. Мы с Ирой не захотели больше «сворачивать горы», спустились вниз и подготовили такой, который не зависит от высоких разрешений. У Игоря после выставки завязались хорошие контакты с датчанами. На «Арсенале» есть подходящее оборудование для выпуска аналогичной продукции. Договорились организовать производство

в Питере. Опять же нужны деньги. На этот раз удалось подсуетиться мне. Приятель работает в правлении банка в Перми, под гарантии завода обещает выгодный кредит. Лечу (без приключений!), привожу деньги, начинается спокойная работа.

От неё всегда можно отвлечься, чем – застольем, тем более, что Володя приехал. Сидим у нас за большим столом, поём. Я аккомпанирую на гитаре, подпеваю, разумеется вторым голосом и не потому, что баритон. Ира тонко чувствует музыку и подстроиться к её ощущению не просто приятно, а необходимо, иначе испортишь.

«Не сольются никогда зимы долгие и лета:

у них разные привычки и совсем несхожий вид.

Не случайны на земле две дороги – та и эта,

та натруживает ноги, эта душу бередит».

Допели песню Окуджавы, и Виктор у меня спрашивает:

– Почему не пел куплет про «слёзы в разлуке»?

– К мужчинам это не относится, – и рассказываю о песне.

Я отлучался в командировки, и дома тут же дома появилось розовое платье. Возвращался с приятелем вечером, проболтались по делам целый день. Он смотрит на наши окна:

– Ира в розовом, чтобы издалека видно было?

– «Утверждает, что в разлуке невозможно жить без слез».

– Да, чёрт возьми, не зря тебе завидуют. Правда, тут не чёрт, а ангел, но ведь не говорят «ангел возьми», а было бы кстати.

Заходим в квартиру и хором: «Потому что на Земле две дороги та и эта». Дальше продолжаю один, слова песни мы с Ирой опровергли: «Эти разные дороги к тебе

обе привели». Получаю поцелуй от неё и аплодисменты от приятеля:

«Вам обоим, но больше Ирочке, на ней всё держится».

– Лучше расскажу об авторе и не только о нём, – Виктор показывает на четыре тома «Антологии самиздата» в книжном шкафу.

С Марком Барбакадзе я долго занимался этой «Антологией». По писательским делам часто бывал в Центральном доме литераторов, там мы с Ирой как-то обедали. В слабо заполненный зал входит невысокий мужчина и оглядывает посетителей, отличительная особенность – большой лоб. Его знают, и не только здесь. Увидев меня, направляется к нашему столу, я встаю поздороваться. Он удерживает мою руку в ожидании ответа на немой вопрос: «Кто это со мной?» – смеюсь:

– Булат Шалвович, не завидуй, – жена моего друга, Ирина, они сумели изменить свою жизнь.

– Не завидую, а радуюсь чужому счастью.

Булат склоняет голову в Ирину сторону. Молчит. Потом голос понижается и ещё больше располагает к себе, может быть, от того, что мы нуждаемся в его песнях, или, скорее всего, от того, что именно в этот момент он подумал о себе, о своих не исполненных намерениях: «Особенно за тех, кто решается на перемены».

Разговор о поэзии я перевожу на прозу – на жизнь, на то, чем сейчас занимаюсь, той самой конверсией. Для меня она – поэзия, а для страны – единственная возможность в перспективе выбраться из того, в чём сейчас находимся, в этом я был почти уверен. Пытаюсь убедить Иру и Булата. Но поэтическое ощущение будущего у Окуджавы, как бывает у таких людей, оказалось прозорливее. Странно, что у Иры с техническим образованием берёт верх не столько аналитический склад ума, сколько интуитивное понимание действительности. И она поддержала не меня, а его предсказание о нравах следующего поколения.

«Зависть, ненависть и вражда

Взойдут над просторами их полей».

Время опять стало плоским. Удивляет ранний звонок Виктора:

– Обнаружил, что слово «родить» применимо и ко мне. Ночью родилась заманчивая идея по датчанам, нужно кое-что изменить, вечером буду.

Как обычно расположились на кухне, и не за чаем, Луна смотрела на нас, смотрела и ушла.

– Наверное, искать трезвенников, – Ирина мама намекает, что и нам пора.

– Где она их ночью найдёт? – с Виктором никто не спорит.

Игорь задержался в Новгороде, звонит оттуда, извиняется. Подыскал он там хорошую базу отдыха, не для себя, естественно, а для рабочих завода, хотя, в то время это было совсем не естественно, впрочем, и в наше время тоже. Мы обсуждаем на кухне, а Игорь перезванивает и перезванивает, дополняет предложение Виктора. Говорит, что новой идеей, как радостью, хочется сразу же поделиться с друзьями. В шутку попросил:

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/grinenko_boris/priznanie-v-lyubvi

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить